

Россия и Азия

№ 2 (16), 2021

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 2 (16), 2021 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте [http:// russia-asia.org/](http://russia-asia.org/)

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

- Речь Е.В. Шейха Тамима Бин Хамада Аль-Тани, Эмира Государства Катар,
на Петербургском международном экономическом форуме 4 июня 2021 г. 6

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Шкваря Л. В.**
Социально-экономическая динамика стран ССАГПЗ и новые тенденции 9
- Красноярова Б. А., Шарабарина С. Н.**
Регионы Сибири в пространстве современной России: эколого-экономическая
оценка 21
- Фролов А. А., Фролова С. А.**
Позиционирование российского региона в глобальной агропродуктовой цепочке
стоимости (на примере Орловской области) 29

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

- Хайруллин Т. Р.**
Постисламизм как реакция на нестабильность социально-политических систем в
регионе БВСА 35
- Хэ Миндзюнь**
Внешняя торговля Китая: тенденции развития, роль для национальной экономики
и трансформация регулирования 43
- Гаврилова Н. Г.**
Международный опыт создания и функционирования агропромышленных парков 55

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

- Хасбулатов Р. И., Бяшарова А. Р.**
Роль высокотехнологичных отраслей в мировой экономике 64

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 78
- К юбилею профессора, доктора географических наук
Ирины Александровны Родионовой, человека, который стремится сделать мир лучше

Content

Speech by E. V. Sheikh Tamim Bin Hamad Al-Thani , Emir of the State of Qatar at the St. Petersburg International Economic Forum June 4, 2021.	6
--	----------

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Shkvarya L. V.	
Socio-economic dynamics of the GCC countries and new trends	9
Krasnoyarova B. A., Sharabarina S. N.	
Regions of Siberia in the space of modern Russia: environmental and economic assessment	21
Frolov A. A., Frolova S. A.	
Positioning of the Russian region in the global agro-product value chain (on the example of the Orel region)	29

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Khairullin T. R.	
Post-Islamism as a reaction to the instability of socio-political systems in the MENA region	35
He Mingjun	
China's foreign trade: development trends, the role for the national economy and the transformation of regulation	43
Gavrilova N. G.	
International experience in the creation and operation of agro-industrial parks	55

INNOVATIONS AND TECHNOLOGIES

Khasbulatov R. I., Byasharova A. R.	
The role of high-tech industries in the global economy	64

SCIENTIFIC LIFE

	78
To the anniversary of Professor, Doctor of Geographical Sciences Irina Alexandrovna Rodionova, a person who strives to make the world a better place	

**Речь Е. В. Шейха Тамима Бин Хамада Аль-Тани,
Эмира Государства Катар
на Петербургском международном экономическом форуме
3 ноября 2021 г. (посредством видео–конференцсвязи)**

Во имя Бога милостивого и милосердного,

Ваше превосходительство Президент Владимир Путин,

Ваше превосходительство канцлер Себастьян Курц,

Прежде всего, мне очень приятно обратиться со словами глубокой благодарности к Е. П. президенту Владимиру Путину за любезное приглашение принять участие в Форуме, который проходит в этом старинном городе, известном своим вкладом в формирование культуры, литературы, искусства, а также своей стойкостью перед лицом оккупации. Спасибо за то, что выбрали Катар страной-гостем этого мероприятия.

Форум проходит на фоне серьезных экономических вызовов и условий, сложившихся на местном, региональном и международном уровнях, и прежде всего на фоне продолжающейся пандемии вируса *COVID-19* и ее опасных негативных последствий для мировой экономики. Все это делает еще более важным проведение этого Форума, ставшего одним из главных мировых событий в области экономики и бизнеса. Кроме того, он считается парадигмой тех инициатив, которые должен взять на себя мир, чтобы обеспечить здоровую среду для экономики, региональных и глобальных инвестиций, а также для нахождения эффективных решений для общих экономических вызовов.

Нет никакого сомнения, что широкое международное участие в этом Форуме отражает значимость места, занимаемого Россией в регионе и во всем мире.

Уважаемые присутствующие,

Мы в Государстве Катар ценим наши прочные исторические связи с Российской Федерацией. На протяжении последних двух десятилетий эти отношения переживают серьезное развитие во всех областях политики и экономики и, в особенности, — в сфере торговли и инвестиций. Государство Катар вышло на передовые позиции в списке иностранных инвесторов в России.

В этой связи мы дорожим нашим активным сотрудничеством в экономической сфере и, в особенности, — в области энергетики. Наша уверенность в мощи российской экономики и в важности инвестирования в нее подтверждается размером катарских инвестиций, которые возросли в 2 раза за последние годы. Надеемся продолжить наращивать их и в последующие годы.

Экономическое сотрудничество между Катаром и Российской Федерацией не ограничивается прямыми инвестициями, а переходит в координацию ради создания необходимых международных организационных рамок для этого взаимодействия. Хочу отметить, что две наши страны вместе с дружественными государствами создали Форум стран-экспортеров газа, штаб-квартира которого находится в Дохе.

Уважаемые присутствующие,

Государство Катар переживает важный этап всеобъемлющего подъема благодаря реализации национальных стратегий, программ и многочисленных проектов в рамках «Национального видения Катара 2030». Хочу подтвердить, что основным двигателем катарской экономики на данном этапе являются инвестиции в инфраструктуру и проекты развития, среди которых, в первую очередь, образование, здравоохранение, транспорт, научные исследования, малые и средние предприятия и так далее. Мы стремимся достичь

прогресса в диверсификации экономики с опорой на наращивание инвестиций частного сектора во всех областях экономики посредством создания стимулов, представления проектов государственно-частного партнерства и привлечения прямых иностранных инвестиций.

Хочу отметить, что проекты развития в Государстве Катар предоставляют прекрасные возможности для увеличения вклада иностранных компаний во все сектора национальной экономики нашей страны.

За последние годы мы серьезно развили и внесли существенные поправки в целый ряд законодательных актов с целью усилить участие частного сектора и привлечь иностранные инвестиции, что внесло свой вклад в формирование привлекательной для инвестиций среды.

Государство Катар работает над наращиванием инвестиций в «зеленую» и устойчивую энергетику, а также в другие сферы, которые способствуют сохранению окружающей среды и противостоянию изменению климата.

Уважаемые присутствующие,

Эпидемия *COVID-19* показала, насколько сильно переплетены и взаимосвязаны жизни и судьбы народов в нашем современном мире. Было доказано, что ни одно государство не может в одиночку противостоять катастрофе такого масштаба, как эта пандемия, что инвестиции в эпидемиологические исследования и усилия по предотвращению повторения подобных вспышек эпидемий в будущем должны осуществляться посредством совместных международных усилий. Международное сообщество должно серьезно и усердно работать над обеспечением вакцин и средств лечения для всех и, в особенности, — для бедных народов, и для тех, кто страдает от бедствий и войн. Здоровье людей не должно быть подчинено законам рынка и международной торговли. В этой связи хочу отметить роль России в производстве и распространении вакцин.

С другой стороны, усиление экономики, развитие инвестиций и укоренение ценностей инноваций, труда и производства, наряду с подтверждением общечеловеческих ценностей, является тем самым путем, который позволяет наращивать необходимый потенциал для борьбы с пандемией и преодоления других мировых проблем, таких как изменение климата. Также этот путь дает людям возможность вернуться к нормальной жизни, которой они оказались лишены со времени начала пандемии, позволяет укрепить учреждения здравоохранения, развивать научные исследования и обеспечивать вакциной все население Земли. В этих рамках мы призываем частный сектор в России и во всем мире познакомиться с перспективной бизнес-средой, созданной в Катаре посредством целого ряда проектов во всех областях.

В завершение хочу вновь поблагодарить Е. П. Президента Владимира Путина за любезное приглашение принять участие в этом Форуме и за выбор Государства Катар в качестве страны-гостя. Надеюсь, что Форум достигнет поставленных перед ним целей. Желаю нашим странам выйти на еще более плодотворное сотрудничество.

Мир вам, милость Божия и его благословение.

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Социально-экономическая динамика стран ССАГПЗ и новые тенденции

Шкваря Людмила Васильевна¹

В статье анализируются современные процессы социально-экономического развития стран Аравийского полуострова (ССАГПЗ) до 2020 г. и дан прогноз по ряду макроэкономических показателей до 2026 г. Цель статьи — показать современные тренды развития Аравийских монархий как с точки зрения внутривнутригосударственных и внутрирегиональных экономических процессов, так и с точки зрения внешнеэкономических связей. Результат исследования: выявлено, что в странах Залива есть ощутимые достижения, такие как появление высоко- и средне-технологичных отраслей. Их активное развитие обеспечивает странам ССАГПЗ относительную устойчивость в экономике и социальной сфере. Статья написана на базе анализа обширного статистического материала международных организаций и структур: ЮНКТАД, МВФ, ОПЕК, ВР, Центрального банка ОАЭ. Исследование значительно расширяет представление о развитии новых тенденций, происходящих в экономических системах рассматриваемой группы стран в настоящее время. Исследование основано на системном подходе, статистическом анализе и дедуктивном методе.

Ключевые слова: ССАГПЗ, социально-экономическое развитие, неравномерность социально-экономического развития, индекс человеческого развития, диверсификация.

JEL коды: O11, O53.

Введение

Страны Аравийского полуострова (Арабского залива, или просто Залива) — Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ и Саудовская Аравия, создавшие в 1981 г. региональное интеграционное объединение Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), имеют схожие характеристики и в целом общие особенности социально-экономического развития (Шкваря, 2021). На сегодняшний день эти страны представляют один из регионов, имеющих мощный потенциал и солидные резервы развития и укрепления прогрессивных тенденций в экономике и социальной сфере.

Вторая половина XX в. стала временем проявления новых тенденций в процессе экономического развития этих стран. Многие эксперты, например, Александров И. А.

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Российского университета дружбы народов, директор Центра азиатских исследований РУДН. Москва, Россия.

(2000), Бирюков Е. С. (Бирюков, Бирюкова, 2017), Исаев В. А. (Исаев, Филоник, 2015), Касаев Э. О. (2013), Мелкумян Е. С. (2020), Русакович В. И. (2018), Филоник А. О., а также международные организации, в том числе МВФ, ЮНКТАД и др., обосновывают точку зрения, что социально-экономический прогресс в государствах Залива — достаточно стабильное явление как тенденция, опирающееся на устойчивый нефтяной фундамент и достаточно грамотное государственное регулирование экономики и особенно социальной сферы.

Результаты исследования

Страны ССАГПЗ традиционно рассматриваются как государства с устойчивым развитием, высоким уровнем жизни и социального обеспечения, обладающие значительными запасами природных ресурсов (преимущественно нефти и газа) при в целом небольших территориях, но растущем населении. По классификации международных организаций, монархии Залива относятся к группе развивающихся стран, а анализ экономической динамики позволяет отнести их к динамично развивающимся государствам. В табл. 1 представлены абсолютные преимущества региона и отдельных стран.

Регион ССАГПЗ остается стратегически важным из-за его уникального географического положения и богатых запасов нефти и природного газа: регион насчитывает 57% мировых доказанных запасов нефти и 28% мировых доказанных запасов газа. И они, как показывает наше исследование, служат основой для постепенной диверсификации национальных экономик, обеспечения устойчивого роста, укрепления финансового положения стран, определяют необходимость и возможность данной диверсификации. Также значительные запасы углеводородов обеспечивают арабским монархиям возможность оказывать значительную социальную поддержку своего населения практически на протяжении всей своей новейшей истории, что во многом обуславливают значительный и устойчивый рост этого населения (табл. 1).

Именно запасы углеводородов обеспечивают рост экономики стран Залива — на страновом и региональном уровнях, хотя этот рост и испытывает спады, четко коррелируя с изменениями цен на мировом рынке нефти.

Наличие значительных финансовых ресурсов также выступает их преимуществом. Для стабилизации бюджетных поступлений страны ССАГПЗ в рамках интеграционного сотрудничества реформировали налоговые системы, в частности, ввели НДС в 2019 г. Это дает возможность увеличить долю налоговых доходов в национальных бюджетах. До этого налоговые поступления в структуре государственных доходов в ССАГПЗ составляли не более 25% с дифференциацией по странам (Joharji, Starr, 2010).

Накопленные финансовые ресурсы в ССАГПЗ используют для диверсификации и развитие hi-tech. Их направления были определены в государственных долгосрочных стратегиях развития, таких, как Bahrain Economic Vision — 2030; UAE Economic Vision — 2021; Kuwait Vision — 2035; Qatar National Vision — 2030; Oman Economic Vision — 2020.

На 1 января 2021 г. в странах интеграционного объединения проживало почти 58,7 млн человек. По прогнозу UNCTAD, к 2030 г. население в ССАГПЗ достигнет 64 млн человек. А поскольку темп роста населения в ССАГПЗ достаточно высок, оно имеет высокую долю молодежи, более восприимчивой к новым технологическим решениям и цифровизации.

Таблица 1.

Некоторые макроэкономические показатели стран Залива в 2019 г.

	Бахрейн	Кувейт	Оман	Катар	КСА	ОАЭ	ССАГПЗ
Территория, км ²	0,7	17,8	309,5	11,5	2250,0	83,6	2673,1
Население, тыс. чел.	1701,583	4270,563	5106,622	2881,06	34813,87	9890,4	58664,1
ВВП, млн долл., текущие цены	38574,07	134623,6	76331,52	183466,2	792967	421142,3	1647105
ВВП на душу населения, долл., текущие цены	23504,09	31999,32	15343,04	64781,64	23139,8	43103,34	33645,21
Запасы нефти, млн. бар.	0,125	101,5	5,4	25,2	266,5	97,8	496,525
Запасы нефти, % от мирового уровня	0,0	5,9	0,3	1,5	15,6	5,7	29,0
Объем производства нефти, тыс. б/день	206	3151	1004	1899	12349	4073	22682
Доля в мировом производстве нефти, %	0,2	3,4	1,1	2,1	13,4	4,4	24,6
Нефть, доля в экспорте, %	77,7	93,7	77,5	88,4	87,1	34,5	69,9
Доля нефти в государственных доходах, %	87,3	91,5	86,8	69,6	85,2	81,9	83,4
Запасы газа, м ³	92	1784	950	25202	8151	6091	42270
Запасы газа, % от мирового уровня	0,0	0,9	0,5	13,1	4,2	3,2	22,0
Производство природного газа, млн. м ³	13630	15510	30897	174057	102380	54245	390719

Источник: составлено и рассчитано автором по данным: OPEC, 2020; BP Statistical Review of World Energy, 2020; UNCTAD.

Страны региона дифференцированы по количеству населения (см. рис. 1 и 2), так же как и по темпам его роста.

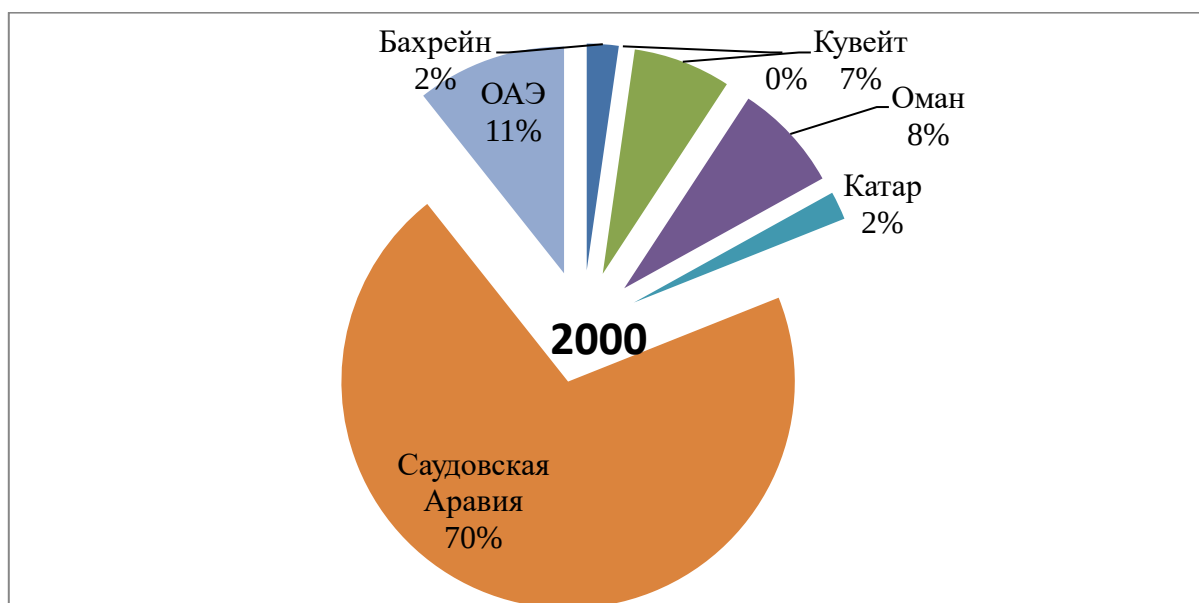

Рис. 1. Доля стран ССАГПЗ по населению в 2000 г., тыс. человек.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

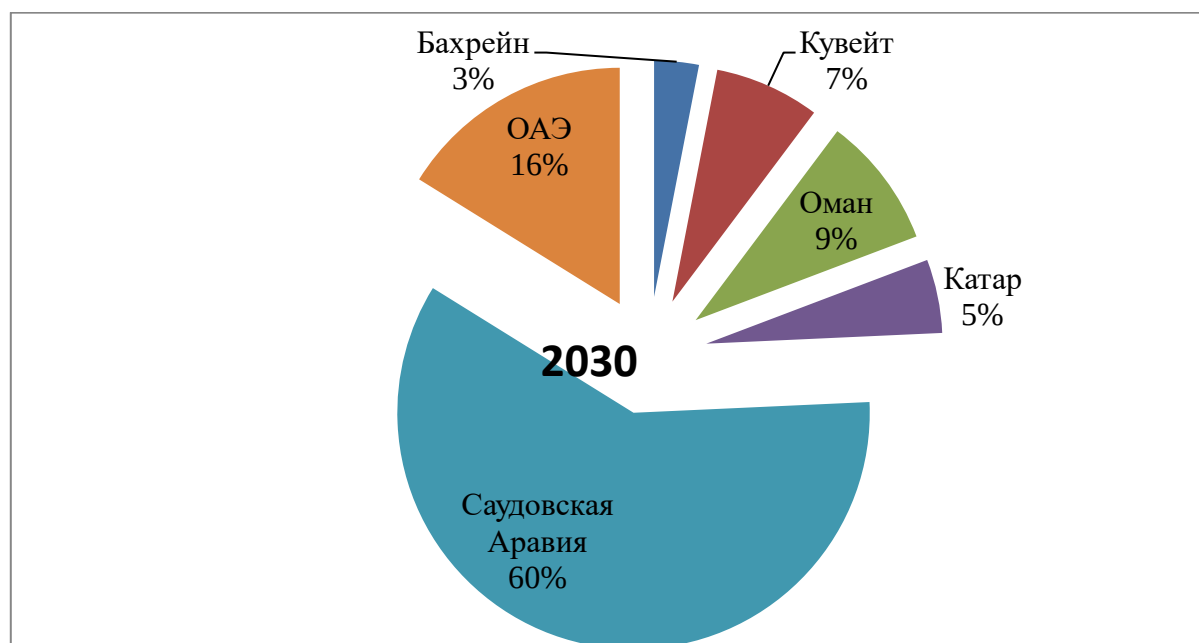

Рис. 2. Доля стран ССАГПЗ по населению в 2030 г., тыс. человек, прогноз UNCTAD.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Так, за исследуемый период население ОАЭ росло наиболее высокими темпами и к 2030 г., по прогнозам UNCTAD, утроится с изменением соответствующей доли населения страны в общем населении ССАГПЗ (рис. 1 и 2). Соответственно, монархии Залива сегодня остаются одним из весьма динамичных в демографическом аспекте стран мира, устойчиво входя по этому показателю в мировой ТОП-3. В результате население региона преимущественно молодое, и возраст 65% граждан не превышает 30 лет.

Это обстоятельство выглядит весьма позитивно с точки зрения развития инновационного и цифрового сегмента в стране, особенно если учесть высокую долю в странах региона людей высокообразованных (Айдрус, Асмятуллин, 2016) и устойчивый рост качества человеческого капитала (Айдрус, Асмятуллин, 2017).

Исследование показывает, что, несмотря на высокий и устойчивый темп роста населения в странах Залива на протяжении исследуемого периода, сохранилась тенденция к росту уровня жизни населения региона, в том числе — за счет высоких социальных обязательств государств перед своими гражданами. Кроме того, растут показатели качества человеческого капитала (см. табл. 2).

Таблица 2.

Индекс человеческого развития стран региона ССАПГЗ, 2019 г., лет

	ИЧР	Рейтинг ИЧР	Ожидаемая продолжительность жизни	Ожидаемый срок обучения в школе	Средняя продолжительность обучения в школе	ВНД на душу населения, тыс. долл.
Бахрейн	0,852	42	75,1	16,1	10,2	47,495
Катар	0,848	45	80,2	12,0	9,7	92,418
ОАЭ	0,890	31	78,0	14,3	12,1	67,462
Саудовская Аравия	0,854	40	75,1	16,1	10,2	47,944
Оман	0,813	60	77,9	14,2	9,7	25,944
Кувейт	0,806	64	75,5	14,2	7,3	58,590

Источник: составлено автором по материалам Human Development Report, 2020.

В целом региональный ВВП в расчете на душу населения в странах ССАПГЗ ниже среднемирового более чем в 2 раза, однако примерно в 2 раза выше среднего по развивающимся государствам показателя.

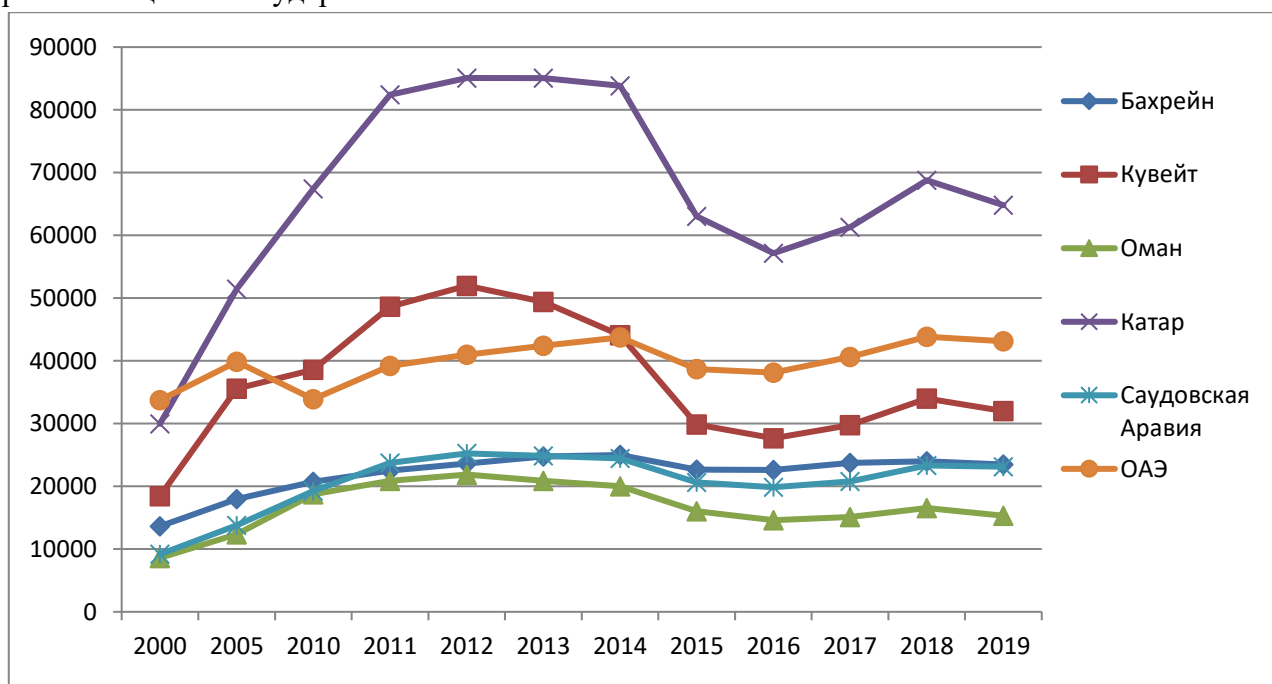

Рис. 3. Динамика ВВП на душу населения стран ССАПГЗ в 2000–2019 гг. в текущих ценах, долл.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

На рис. 3 виден устойчивый рост этого показателя, на который негативно повлиял глобальный финансово-экономический кризис в 2008–2009 гг. и снижение цен на нефть в 2014–2015 гг. Как видно из анализа статистических данных (рис. 3), показатель ВВП на душу населения стран ССАГПЗ в 2019 г. колебался в пределах от 15,3 тыс. долл. в Омане и 23,1 тыс. в Саудовской Аравии до 64,8 тыс. долл. — в Катаре. Последние цифры — самые высокие в арабском мире в целом, а Катар входит по данному показателю в топ-3 в глобальной экономике.

Саудовская Аравия — крупнейшая страна арабского мира, а также и Аравийского полуострова (рис. 3).

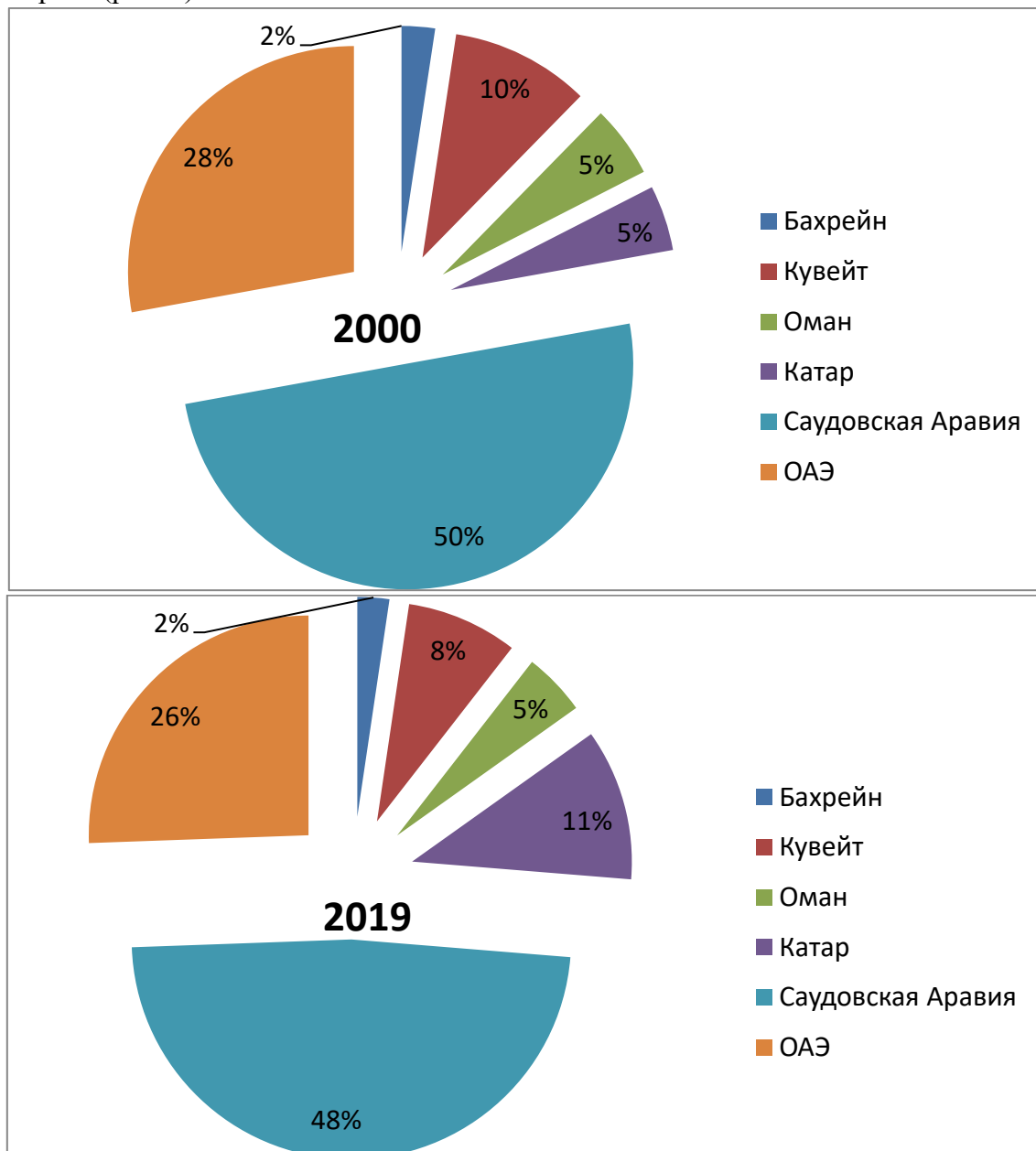

Рис. 3. Доли стран Залива в региональном ВВП в 2000 и в 2019 г., %

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Саудовская Аравия имеет наиболее высокий в ССАГПЗ показатель ВВП — 792967 млн долларов США в 2019 г., — который более чем в 20 раз превышает индекс самой малой экономики региона — Бахрейна (38574,07 млн долл. в 2019 г.) и примерно в 2 раза больше, чем 2-я по величине экономика ССАГПЗ, ОАЭ (421142,3 млн долларов). Она доминирует в регионе (а также и в арабском мире в целом) и играет решающую роль в общих экономических показателях стран ССАГПЗ и в формировании динамики регионального развития.

Ее доля в совокупном ВВП объединения достигала в 2000 г. 50% (рис. 3), т. е. 1/2 от общего объема ВВП региона. У ОАЭ этот показатель составил в 2000 г. 28%, у Катар — 5%, Кувейта — 10%, Омана — 5%, Бахрейна — 2%. Эти показатели коррелируют главным образом с имеющимися запасами углеводородов и количеством населения, и в меньшей степени — с другими показателями.

Статистические данные подтверждают, что за 2000-2019 гг. несколько перераспределились, хотя и не принципиально, позиции стран ССАГПЗ в региональном ВВП — в сторону уменьшения доли крупных экономик.

Так, в 2019 г. доля Саудовской Аравии в совокупном ВВП составила 48%, сократившись на 2% по сравнению с 2020 г., но оставаясь принципиально основной. Удельный вес ОАЭ в совокупном ВВП также сократился на 2% — до 26%. Также на 2% сократился удельный вес экономики Кувейта. Доли Бахрейна и Омана не изменились — по 2%. А вот экономика Катар выросла более чем в 2 раза: запасы природного газа у этой страны самые крупные в регионе, как и подушевой доход. С 2017 г. имеет место рост обоих показателей (при наличии дипломатического кризиса и «экономического бойкота» страны в интеграционном блоке крупнейшими его участниками).

В целом совокупный ВВП объединения достигает около 2% от мирового валового продукта. Средний в регионе темп роста ВВП стран Залива выше среднемирового, и можно говорить о выравнивании темпов экономического роста стран региона в среднесрочной перспективе (рис. 4).

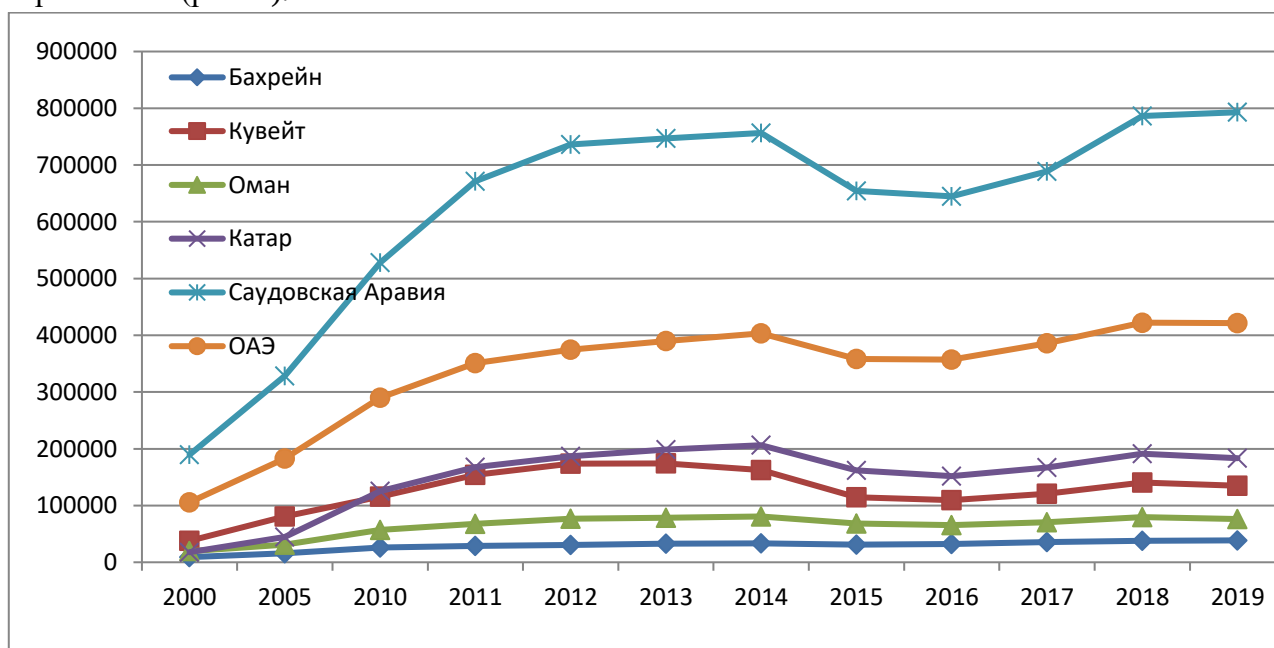

Рис. 4. Производство ВВП в странах Залива в 2000–2019 гг., млн долл.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Соответственно, анализ динамики ВВП стран региона обнаруживает, что процесс дифференциации сокращается, хотя приближаются к общему более низкому уровню.

Саудовская Аравия, как крупнейшая экономика ССАГПЗ, а также другие страны, сильно зависят от нефтегазового сектора, поэтому колебания мировых цен на рынке нефти немедленно и весьма заметно влияют на темп роста ВВП.

В период 2014–2016 гг., когда цена на нефть на рынке упала значительно (соответственно на 7,5; 47,2 и 15,7% в годовом исчислении) (IMF, 2021, р. 133), снижение экономической динамики в ССАГПЗ составило от 3,5 до 4% (рис. 4). Сложившаяся ситуация усложнилась общей нестабильностью на Ближнем Востоке, сохраняющейся после событий «Арабской весны» 2011 г.

Лишь в 2017 г. было зафиксировано начало восстановления экономики стран региона на фоне роста цен на нефть в 2017 г. на 23,3% а в 2018 г. — на 29,4%. Соответственно, экономический рост продолжился и в 2018 г. (см. рис. 4), несмотря на разразившийся в интеграционном блоке «дипломатический кризис» (Шкваря, 2020), негативно повлиявший на экономические, в том числе внешнеторговые и интеграционные, процессы, но не затронувшие социальную сферу. Однако, как видно из рис. 4, экономический рост имел место лишь в Саудовской Аравии и Бахрейне, в остальных странах рост оказался отрицательным. Поэтому в большинстве своем уровень ВВП от 2018 г. достигнут не был.

Начавшаяся в конце года пандемия в Китае и последовавший за этим локдаун в стране негативно сказался на динамике экономического развития стран ССАГПЗ, хотя это влияние было и небольшим — совокупная экономика ССАГПЗ сократилась в годовом исчислении лишь на 0,7%, в то время как цены на нефть упали в годовом исчислении на 10,2%.

Однако 2020 г. был сложным для экономики и социальной сферы стран ССАГПЗ, как и для всего мира, в связи с глобальным распространением *COVID-19* и, как следствие, снижением цен на нефть (на 32,7% в годовом исчислении) из-за распространившихся в странах мира карантинных мер. Кроме того, уже в марте 2020 г. страны ССАГПЗ закрыли границы для перемещения товаров и людей на региональном уровне. В результате в 2020 г. экономики стран Залива столкнулись с существенным сокращением — как в целом, так и по странам (табл. 3). В то же время *UNCTAD* прогнозирует восстановление региональной экономики до 2026 г.

Таблица 3.

Динамика ВВП стран ССАГПЗ в 2015–2020 гг. и прогноз на 2021–2026 гг., %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Прогноз		
							2021	2022	2026
Бахрейн	2,5	3,6	4,3	1,7	2,0	–5,4	3,3	3,1	3,1
Кувейт	0,6	2,9	–4,7	1,2	0,4	–8,1	0,7	3,2	2,5
Оман	4,7	4,9	0,3	0,9	–0,8	–6,4	1,8	7,4	2,0
Катар	4,8	3,1-	1,5	1,2	0,8	–2,6	2,4	3,6	1,9
КСА	4,1	1,7	–0,7	2,4	0,3	–4,1	2,9	4,0	2,8
ОАЭ	5,1	3,1	2,4	1,2	1,7	–5,9	3,1	2,6	2,6

Источник: IMF, 2021. Р. 133.

В ответ на экономические потрясения центральные банки стран Персидского залива снизили процентные ставки и ввели ряд мер по облегчению ликвидности финансовых учреждений для поддержки бизнеса.

Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн запустили программы стимулирования экономики на общую сумму 32 млрд, 34,3 млрд и 11,4 млрд долларов соответственно. Катар предоставил частному бизнесу финансовую поддержку в размере 20,6 млрд долларов США и осуществил вливание капитала в фондовый рынок (РБК, 2020).

Прогнозы МВФ коррелируют с данными Центрального банка ОАЭ, который оценивает реальный рост ВВП в 2,5% в 2021 г., в том числе ненефтяного ВВП в 3,6%. Нефтяной ВВП, как ожидается, останется неизменным в соответствии с графиком производства углеводородов ОПЕК+. Восстановление роста реального ненефтяного ВВП может быть обусловлено увеличением бюджетных расходов в соответствии с более высокими ценами на нефть, ростом кредитования и занятости, относительной стабилизацией рынка недвижимости, восстановлением доверия и подготовкой к выставке в Дубае в 2021 г. В 2022 г. ЦБ ОАЭ ожидает полного восстановления региональной экономики, при этом общий реальный ВВП, по прогнозам, увеличится на 3,5%, а ненефтяной — на 3,9%. Это будет результатом продолжения роста бюджетных расходов, кредитования, занятости и улучшения деловых настроений — часть выставки *Dubai EXPO* состоится в 2022 г. Кроме того, в связи с проведением чемпионата мира по футболу 2022 г. в Катаре ожидается рост туристов, перевозок, торговли (СВУАЕ, 2020), и в целом экономической активности и доходов.

Уровень инфляции в странах ССАГПЗ представлен в табл. 4.

Таблица 4.

Инфляция в странах ССАГПЗ в 2015–2020 гг. и прогноз на 2021–2026 гг., %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Прогноз		
							2021	2022	2026
Бахрейн	1,8	2,8	1,4	2,1	1,0	–2,3	1,5	2,1	2,2
Кувейт	3,7	3,5	1,5	0,6	1,1	2,1	2,3	2,5	2,5
Оман	0,1	1,1	1,6	0,9	0,1	–0,9	3,8	2,4	0,9
Катар	0,9	2,7	0,4	0,3	–0,7	–2,7	2,4	2,9	2,2
КСА	1,2	2,0	–0,8	2,5	–2,1	3,4	2,7	2,0	2,0
ОАЭ	4,1	1,6	2,0	3,1	–1,9	–2,1	2,9	1,2	1,8

Источник: IMF, 2021. Р. 138.

Как видно из анализа представленных данных, которые подтверждаются также экспертными оценками международных организаций, в 2021 г. ожидаются улучшения в макроэкономической ситуации стран ССАГПЗ, так как, по оценкам МВФ, цены на нефть вырастут в 2021 г. на 41,7%. Они уже выросли на 39% в период с августа 2020 г. по февраль 2021 г. на позитивных новостях о вакцинации и быстром восстановлении экономики в Азии, прежде всего в Китае, что может привести к существенному восстановлению добычи нефти, ее экспорта — со всеми вытекающими из этого положительными для экономик стран ССАГПЗ последствиями.

В то же время катализатором экономического роста в регионе остается устойчивый рост внутреннего спроса. Однако внутренний спрос в странах ССАГПЗ поддерживался в 2016–2019 гг., а также в 2020 г., за счет стабильности финансовых и риэлтерских активов и значительного интереса зарубежных инвесторов — в основном из стран Южной и Восточной Азии (Мелкумян, 2020). Однако доходы от торговли, включая ее розничный сегмент, общественного питания и гостиничного сектора значительно снизились из-за эпидемии.

В этих условиях правительство Саудовской Аравии повысило НДС с 5% до 15% в июле 2020 г., чтобы увеличить свои финансовые доходы, что, в свою очередь, несколько сдерживало внутреннее потребление, как и приостановление с 1 июня выдачи соответствующих субсидий всем государственным должностным лицам, а также отказ или уменьшение крупных инвестиционных проектов (Синьхуа, 2020).

С другой стороны, низкая инфляция потребительских цен в странах региона, особенно в сегменте продовольствия, также поддерживала внутренний спрос.

Ожидается, что экономика стран Персидского залива будет иметь умеренное восстановление с 2021 по 2023 гг., а рост реального ВВП, по прогнозам, достигнет 2,5%, согласно последним прогнозам международных организаций.

Однако при прогнозировании макроэкономической ситуации в странах ССАГПЗ следует принимать во внимание то обстоятельство, что ОПЕК приняла меры по сокращению добычи для стабилизации рынка, а влияние этого обстоятельства на доходы стран Залива весьма существенно. Так, в декабре 2018 г. страны ОПЕК+ договорились о сокращении добычи нефти в 1-м полугодии 2019 г. на 1,2 млн барр./сутки по сравнению с октябрём 2018 г. Они также заключили соглашение о сокращении добычи суммарно на 9,7 млн барр. в сутки на 2 года — с 1 мая 2020 г. до начала мая 2022 г. (РБК, 2020).

Столкнувшись с проблемой единой экономической модели и недостаточной устойчивости к рискам, страны Персидского залива в последние годы активно продвигают диверсификацию экономики, провели много исследований и последовательно предлагают планы развития, чтобы повысить вклад ненефтяного сектора и частной экономики в ВВП, чтобы добиться определенных результатов.

Заключение

В странах ССАГПЗ все еще сохраняется высокая зависимость национальной экономики, в том числе внешнеэкономического сегмента, инвестиционной и социальной сферы от производства и экспорта углеводородов, как и от мировой экономики, что сохраняет напряженность в странах в связи с высокой глобальной волатильностью, в том числе — на мировом рынке углеводородов.

Природные условия и единое ресурсное состояние образуют единую структуру углеводородной экономики стран Персидского залива. В последние годы, чтобы изменить эту единую экономическую модель, государства инвестировали значительные средства в развитие инфраструктуры, сельского хозяйства, улучшение инвестиционного климата, привлечение иностранных инвестиций, активно поощряя развитие перерабатывающей промышленности и финансовых, страховых, туристических и других услуг. В результате 6 стран Персидского залива достигли определенного прогресса в диверсификации источников экономического роста.

Несмотря на проводимые на протяжении ряда лет — постепенно и поэтапно — экономические реформы в ССАГПЗ, радикальных изменений не произошло. Но дорогу осилит идущий...

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2016) Особенности развития системы высшего образования Королевства Бахрейн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 3. С. 68–80. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2016) Features of the development of the higher education system of the Kingdom of Bahrain // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. No. 3. P. 68–80. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2017) Механизм повышения качества человеческого капитала: опыт Бахрейна // Экономика. Налоги. Право. Т. 10. № 4. С. 114–121. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2017) The mechanism of improving the quality of human capital: the experience of Bahrain // Economy. Taxes. Law. Vol. 10. No. 4. P. 114–121. (In Russian).]
3. Александров И. А. (2000) Монархии Персидского залива: этап модернизации : Монография. М.: Дело и Сервис. 544 с. [Alexandrov I. A. (2000) The monarchies of the Persian Gulf: the stage of modernization: Monograph. M.: Business and Service. 544 p. (In Russian).]
4. Бирюков Е. С., Бирюкова О. В. (2017) Особые экономические зоны стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 41–46. [Biryukov E. S., Biryukova O. V. (2017) Special economic zones of the GCC countries // Asia and Africa today. No. 1. P. 41–46. (In Russian).]
5. Исаев В. А., Филоник А. О. (2015) Катар: три столпа роста. Монография. Москва. 320 с. [Isaev V. A., Filonik A. O. (2015) Qatar: three pillars of growth. Monograph. Moscow. 320 p. (In Russian).]
6. Касаев Э. О. (2013) Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития. Монография. Москва: Международные отношения. 182 с. [Kasaev E. O. (2013) Qatar in the XXI century: current trends and forecasts of economic development. Monograph. Moscow: International Relations. 182 p. (In Russian).]
7. Мелкумян Е. С. (2020) Развитие Арабских монархий залива: прорыв в будущее // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 37–42. [Melkumyan E. S. (2020) The development of the Arab monarchies of the Gulf: a breakthrough into the future // Asia and Africa today. No. 2. P. 37–42. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750008471-0
8. РБК (2020) Страны ОПЕК+ заключили соглашение о рекордном сокращении добычи нефти. [RBC (2020) OPEC+ countries have signed an agreement on a record reduction in oil production. (In Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/business/12/04/2020/5e9357129a79473d1267e1d6>
9. Русакович В. И. (2018) Оман: структурные преобразования и экономический рост // Азия и Африка сегодня. № 3 (728). С. 48–55. [Rusakovich V. I. (2018) Oman: structural transformations and economic growth // Asia and Africa today. No. 3 (728). P. 48–55. (In Russian).]
10. Синьхуа (2020) Экономические модели нефтедобывающих стран Персидского залива трудно изменить. [Xinhua (2020) The economic models of the oil-producing countries of the Persian Gulf are difficult to change. (In Russian).] URL: http://www.xinhuanet.com/globe/2020-07/14/c_139191887.htm
11. Шкваря Л. В. (2020) Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ // Вестник МГИМО Университета. Т. 13. № 2. С. 163–182. [Shkvarya L. V. (2020) Integration and the diplomatic crisis: modern realities of the GCC // Vestnik MGIMO Universiteta. Vol. 13. No. 2. P. 163–182. (In Russian).] URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182>

12. Шкваря Л. В. (2021) Страны Персидского залива: современные тенденции экономического развития. Монография. Ялта. 316 с. [Shkvarya L. V. (2021) The countries of the Persian Gulf: modern trends of economic development. Monograph. Yalta. 316 p. (In Russian).]
13. OPEC (2020) Annual Statistical Bulletin. URL:
14. BP (2020) Statistical Review of World Energy June. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2020/bp-statistical-review-of-world-energy-2020-oil.pdf>.
15. CBUAE (2020) Annual Report. URL: <https://www.centralbank.ae/sites/default/files/2021-04/CBUAE%20-%20Annual%20Report%202020.pdf>
16. IMF (2021) World Economic Outlook, April. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/04/2020/5e9357129a79473d1267e1d6>
17. Human Development Report (2020). URL: <http://hdr.undp.org/en/data>
18. UNCTAD. URL: <http://unctadstat.unctad.org>

Socio-economic dynamics of the GCC countries and new trends

Liudmila Vasilievna Shkvarya

*Dr. Sc. (Economics), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Economics Faculty, department of political economy.
Moscow, Russia.*

The article analyzes the current trends in the socio – economic development of the countries of the Arabian Peninsula (GCC) until 2020 and the forecast for a number of macroeconomic indicators until 2026. The purpose of the article is to show the current trends in the development of the Arabian monarchies both from the point of view of domestic and intraregional economic processes, and from the point of view of foreign economic relations. The result of the study — it was revealed that there are tangible achievements in the Gulf countries, such as the emergence of high- and medium-tech industries. Their active development provides the GCC countries with relative stability in the economy and social sphere. The article is written on the basis of an analysis of extensive statistical material of international organizations and structures: the OECD, the IMF, OPEC, BP, the Central Bank of the UAE. The study significantly expands the idea of the development of new trends occurring in the economic systems of the group of countries under consideration at the present time. The research is based on a systematic approach, statistical analysis and deductive method.

Keywords: *GCC, socio-economic development, uneven socio-economic development, human development index, diversification.*

JEL codes: *O11, O53.*

Регионы Сибири в пространстве современной России: эколого-экономическая оценка

*Красноярова Бэлла Александровна¹,
Шарабарина Софья Николаевна²*

*Исследование выполнено в рамках государственного задания № 1021032422891-7
«Природные и природно-хозяйственные системы Сибири в условиях современных вызовов:
диагностика состояний, адаптивные возможности, потенциал экосистемных услуг»*

В статье рассматривается динамика регионального развития регионов Сибирского федерального округа (СФО) за 1995–2018 гг. Приводятся результаты расчета и сравнения показателей суммарного индекса регионального развития и индекса экологической емкости этого развития на первую и крайнюю дату данного периода. Данные индексы рассчитаны по авторской методике, приведенной в статье. Выявлено, что за рассматриваемый период суммарный индекс регионального развития регионов СФО и округа в целом сократился, особенно существенно в Республике Хакасия, Алтайском крае и Омской области, где сохраняется значимая роль сельского хозяйства в региональном продукте. Экологическая емкость развития Сибирских регионов остается высокой и продолжает расти на фоне общероссийских показателей, что, по мнению авторов, свидетельствует о низких темпах технологического переоснащения, главным образом промышленных производств и предприятий жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: региональное развитие, экологическая емкость, суммарный индекс, Сибирский федеральный округ, динамика регионального развития.

JEL коды: R11, R11.

Введение

Современная динамика социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов характеризуется высокой активностью и разнообразием. Отмечается дальнейшее «расслоение» субъектов РФ на «богатые» и «бедные» регионы. Эти процессы отражаются в показателях качества и уровня жизни, среднегодовой заработной плате и уровне занятости,

¹ *Красноярова Бэлла Александровна* — доктор географических наук, профессор, заведующая лабораторией ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул, Россия; профессор кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия.

² *Шарабарина Софья Николаевна* — кандидат географических наук, профессор, научный сотрудник лаборатории ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования, Институт водных и экологических проблем СО РАН. Барнаул, Россия.

развитии инфраструктурных отраслей и девиантности поведения местных жителей и, в конечном итоге, эффективности механического движения населения страны как стихийного индикатора уровня жизни. Пространственная динамика этих процессов такова, что усиливается центробежная активность добывающего сектора экономики, что закономерно, учитывая восточный вектор его развития. В то же время усиливается и центростремительный потенциал ядра страны, в которое сегодня включены Московская и Петербургская агломерации, и обеднение экономического и демографического потенциала периферии. Сибирские регионы как раз и относятся в своем большинстве к такой периферии.

Объектом нашего исследования выступают регионы Сибирского федерального округа в его современных границах. Для сравнения в ряде случаев рассматривается Тюменская область с районами, которые относятся к Уральскому федеральному округу, но в природном отношении входят в границы крупнейшего Обь-Иртышского речного бассейна, который их объединяет.

Результаты исследования

Сибирский федеральный округ (СФО) — это 10 субъектов Российской Федерации — занимает 25,5% территории страны, где проживает 17,118 млн человек (11,7%). Он отличается низкой плотностью населения. СФО — один из важнейших макрорегионов России. Здесь производится 10,34% объема промышленной продукции страны, 11,44% электроэнергии, добывается 14,85% полезных ископаемых (рассчитано по: Регионы России, 2020). Сибирь не зря называют ресурсной кладовой России; здесь сосредоточены крупные запасы углеводородного сырья, угля, урана, черных, цветных и драгоценных металлов, древесины, водных и гидроэнергетических ресурсов.

Регионы Сибири всегда играли значимую роль в национальной экономике. Начиная с 1990-х гг. и до настоящего времени их вес в минерально-сырьевой компоненте хозяйства страны (и поступления налогов в федеральный бюджет) огромен. При этом сибирский макрорегион внутренне чрезвычайно неоднороден. Например, по объему валового регионального продукта (ВРП) на душу населения самый «богатый» регион Сибири — Ямало-Ненецкий АО — превосходит самый «бедный» регион — Республику Тыва — в 26,8 раза (2018 г.). А в рейтинге среднедушевых денежных доходов населения страны 4 сибирских региона находятся в 1-й тридцатке (ЯНАО и ХМАО — в 1-й десятке), а 5 — в последней (Регионы России, 2020).

Хозяйственное освоение / развитие Сибири всегда шло за счет эксплуатации ее природных ресурсов и попутно — с загрязнением окружающей среды. По оценкам качества атмосферного воздуха Роспотребнадзора, в 2020 г. крупнейшие промышленные центры — Норильск, Новокузнецк, Омск, Красноярск, Братск — входят в десятку самых загрязненных городов России. А 41% городского населения СФО проживает в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха. Доля загрязненных сточных вод в общем объеме сбросов в 1,3 раза выше среднероссийского показателя (О состоянии и об охране..., 2020). Поэтому анализ экономического развития регионов Сибири важно сопоставлять с динамикой основных экологических индикаторов состояния окружающей среды.

Для оценки регионального развития и последующей типологии/кластеризации субъектов РФ разработан достаточно обширный методический аппарат, включающий, как

правило, определение интегрального показателя (индекса) на основе субъективного выбора индикаторов, отражающих экономический, социальный и экологический потенциал развития регионов (Боженко, Брут–Бруляко, 2014; Шабунова, Груздева, 2016; Тикунов, Черешня, 2017; Бураков, Бухвальд, Кольчугина, 2019; и др.). Значительная часть работ посвящена сравнительному анализу регионов на основе индекса человеческого развития (Жильцова, Суходоева, 2011; Иванова, 2013; и др.), рассчитываемого в рамках Программы развития ООН для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала территории. Интересны методические подходы к измерению устойчивого развития регионов, где большее внимание уделяется не экономическому росту и развитию региональной экономики, а индикаторам, отражающим социальные и экологические аспекты устойчивости (Бобылев и др., 2018; Варавин, Козлова, 2018; Заводских, 2020; и др.), в том числе — адаптация индекса скорректированных чистых накоплений Всемирного банка развития для российских условий (Бобылев и др., 2012; Бобылев и др., 2018), показывающего деградацию и истощение природного капитала. Нам близки данные подходы, поэтому цель исследования — оценка развития регионов Сибири с учетом экологической емкости этого развития.

Методической основой исследования является системно-диалектический подход с применением сравнительно-географических и математико-статистических методов. Были исчислены суммарные индексы регионального развития и экологической емкости этого развития за период 1995–2018 гг. Для сравнения разноплановой информации был использован метод линейной стандартизации.

Суммарный индекс регионального развития рассчитан как среднеарифметическое значение индексов, отражающих долю отдельных регионов в общеэкономических показателях экономического развития страны. Среди них: площадь территории, численность населения, валовой региональный продукт, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, стоимость основных производственных фондов и инвестиции. Спектр показателей может быть расширен, но мы сочли данный набор достаточным для отражения общего потенциала регионального развития.

Индекс экологической емкости регионального развития рассчитан как среднеарифметическое значение индексов, отражающих долю отдельных регионов в экологических показателях. К таковым относятся: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников; улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников; использование свежей воды; объем оборотной и последовательно используемой воды; сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты; затраты на охрану окружающей среды; образование токсичных отходов на предприятиях за год; лесовосстановление. К сожалению, спектр этих показателей в статистических документах открытого доступа постоянно меняется, что несколько сокращает возможности их полного учета.

Результаты оценки представлены на рис. 1–3.

Анализ результатов показывает, что суммарный индекс регионального развития за период 1995–2018 гг. уменьшился практически во всех регионах Сибири. Исключением стала Республика Алтай, где не произошло изменений: показатель остался самым низким в СФО (равен 0,15). Особенно сильно в экономическом плане потеряли Республика Хакасия (индекс в 2018 г. составил 76,3% от уровня 1995 г.), Алтайский край (77,6%) и Омская область (77,3%). В целом можно говорить о сокращении вклада сибирских регионов в

экономический потенциал страны, а также об их «отстающем» развитии по сравнению с другими территориями России.

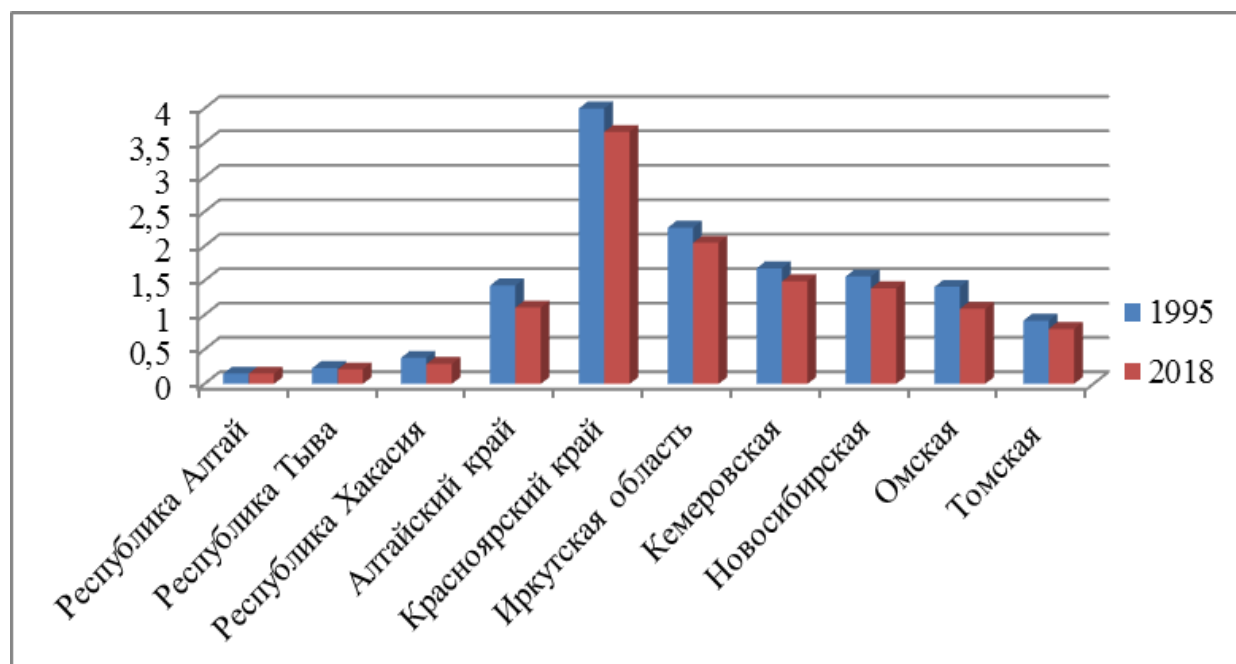

Рис. 1. Суммарный индекс регионального развития в 1995 и 2018 гг.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

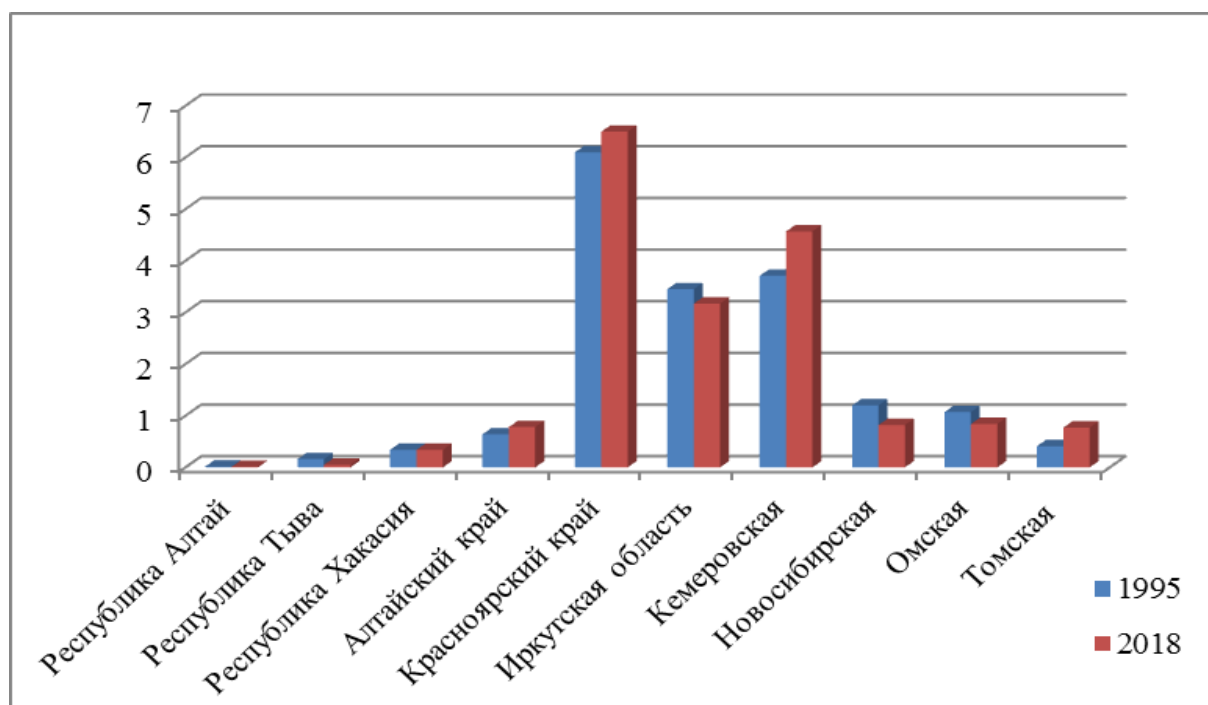

Рис. 2. Индекс экологемкости регионального развития в 1995 и 2018 гг.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

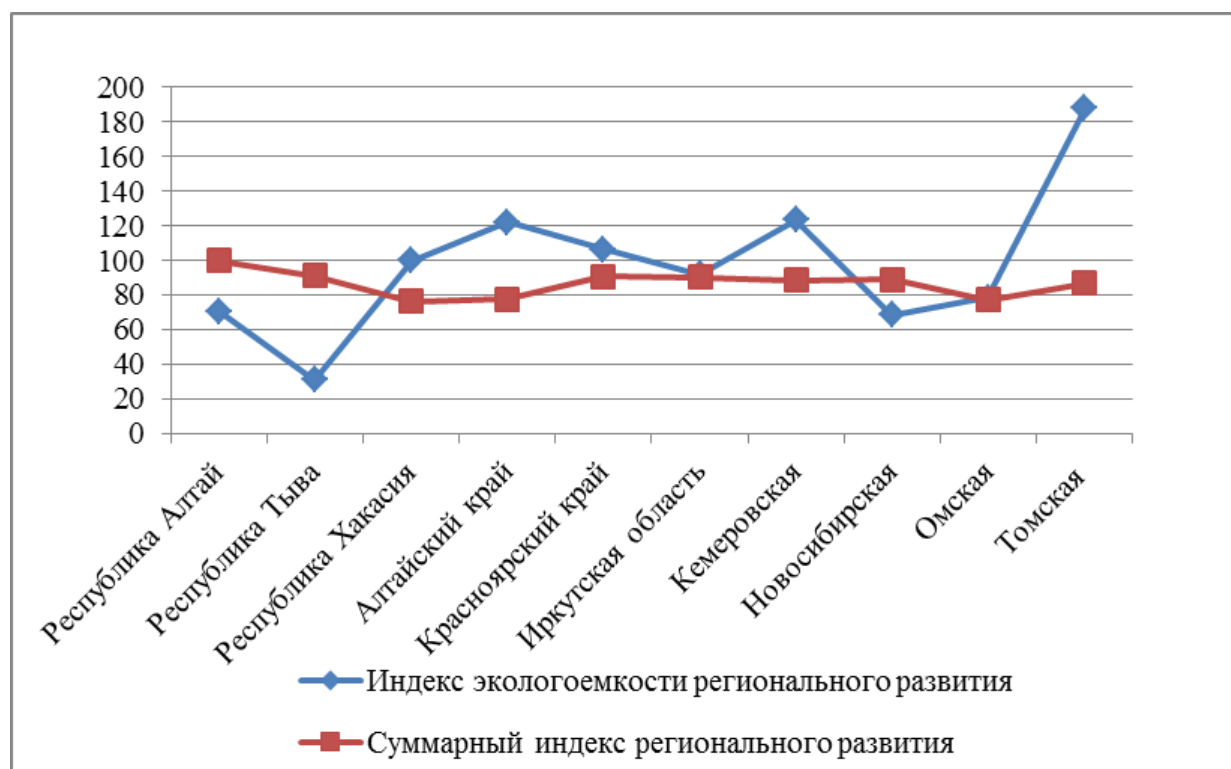

Рис. 3. Изменение индексов регионального развития и его экологической емкости в 2018 г., в % к 1995 г.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

Следует отметить, что ситуация в регионах не однозначна. Например, на рынке труда отмечаются потери потенциала во всех регионах, кроме Новосибирской и Томской областей, которые даже несколько увеличили и общую численность, и долю экономически активного населения. По объему валового регионального продукта регионы СФО сократили свой вклад в общероссийский показатель на 29,1%. Особенно существенны потери Иркутской и Омской областей, Алтайского и Красноярского краев. Их потери составили 45; 40,8; 35,9 и 34,1% соответственно. По показателям объема промышленного производства наиболее существенны потери в Республике Хакасия и Красноярском крае, которые потеряли более 30% своей значимости в общероссийских показателях. По уровню потерь доли в производстве сельскохозяйственной продукции наибольший урон отмечается в Красноярском крае, Кемеровской области и Хакасии, но здесь ситуация не однозначна и требует более детального рассмотрения, учитывая природно-обусловленный характер отрасли и ее прямую зависимость от агроклиматических условий конкретного года.

Индекс экологической емкости регионального развития показывает, насколько развитие региона «экологично»: чем он выше, тем больше степень воздействия хозяйственной деятельности на компоненты окружающей среды и ее загрязнение. Среди регионов СФО наибольшие значения индекса отмечаются у Красноярского края, Кемеровской и Иркутской областей, наименьшие — у республик Алтай, Тыва и Хакасия. За 1995–2018 гг. произошли разнонаправленные изменения в динамике значений индекса. Позитивные тенденции наблюдались в республиках Алтай и Тыва, Иркутской, Новосибирской и Омской областях: в них индекс экологической емкости регионального развития уменьшился. Негативные тенденции

характерны для Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской и Томской областей; в Республике Хакасия он остался без изменений.

Диаграмма на рис. 3 демонстрирует эколого-экономическую «сбалансированность» регионального развития. Так, республики Алтай, Тыва и Новосибирская область улучшили свои позиции в экологическом рейтинге регионов Сибири: здесь значения индекса регионального развития выше его экологической емкости. Это можно объяснить интенсивным развитием отраслей третичного сектора экономики в Новосибирской области и отсутствием загрязняющих промышленных производств в республиках. А вот Алтайский и Красноярский края, Кемеровская и особенно Томская области развиваются за счет ухудшения состояния окружающей среды.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что за рассматриваемый период суммарный индекс регионального развития регионов СФО и округа в целом в общероссийских показателях сократился, особенно существенно — в Республике Хакасия¹, Алтайском крае и Омской области, где сохраняется значимая роль сельского хозяйства в региональном продукте. Экологическая емкость развития Сибирских регионов остается высокой и продолжает расти на фоне общероссийских показателей, что, на наш взгляд, свидетельствует о низких темпах технологического переоснащения, главным образом промышленных производств и предприятий жилищно-коммунального хозяйства.

Список литературы

1. Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В., Ситкина К. С. (2018) Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. С. 21–33. [Bobylev S. N., Kudryavtseva O. V., Solovyova S. V., Sitkina K. S. (2018) Indicators of environmentally sustainable development: a regional dimension // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. No. 2. P. 21–33. (In Russian).]
2. Бобылев С. Н., Минаков В. С., Соловьева С. В., Третьяков В. В. (2012) Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели расчета. М.: WWF России, РИА «Новости». [Bobylev S. N., Minakov V. S., Solovyova S. V., Tretyakov V. V. (2012) Ecological and economic index of the regions of the Russian Federation. Methods and indicators of calculation. Moscow: WWF of Russia, RIA "Novosti". (In Russian).]
3. Боженко С. В., Брут–Бруляко А. А. (2014) Оценка социально-экономического развития российских регионов на основе таксономического ранжирования // Региональная экономика: теория и практика. № 14 (341). С. 41–50. [Bozhenko S. V., Brut–Brulyako A. A. (2014) Assessment of the socio-economic development of Russian regions based on taxonomic ranking // Regional economy: theory and practice. No. 14 (341). P. 41–50. (In Russian).]
4. Бураков Н., Бухвальд Е., Кольчугина А. (2019) Ранжирование субъектов Российской Федерации на основе регионального индекса экономического развития //

¹ Возможно, это результат аварии на Саяно-Шушенской ГЭС и вызванного этим системного кризиса экономики республики.

Федерализм. № 3. С. 149–171. [Burakov N., Buchwald E., Kolchugina A. (2019) Ranking of the subjects of the Russian Federation based on the regional economic development index // Federalism. No. 3. P. 149–171. (In Russian).] DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2019-3-149-171>

5. Варавин Е. В., Козлова М. В. (2018) Оценка развития зеленой экономики в регионе. На примере Республики Казахстан // Экономика региона. Т. 14. Вып. 4. С. 1282–1297. [Varavin E. V., Kozlova M. V. (2018) Assessment of the development of the green economy in the region. On the example of the Republic of Kazakhstan // Economy of the region. Vol. 14. Issue 4. P. 1282–1297. (In Russian).] DOI: 10.17059/2018–4–18

6. Жильцова Ю. В., Суходоева Л. Ф. (2011) Формирование регионального индекса развития в современной российской экономике // Сегодня и завтра российской экономики. № 46. С. 186–188. [Zhiltsova Yu. V., Sukhodoeva L. F. (2011) Formation of the regional development index in the modern Russian economy // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 46. P. 186–188. (In Russian).]

7. Заводских А. А. (2020) Построение индекса инклюзивного развития регионов // Псковский регионологический журнал. № 2 (42). С. 19–41. [Zavodskikh A. A. (2020) Constructing an index of inclusive development of regions // Pskov Regionological Journal. No. 2 (42). P. 19–41. (In Russian).] DOI: 10.37490/S221979310008578-8

8. Иванова Н. В. (2013) Методика оценки пространственной дифференциации экономики регионов России // Экономика. Налоги. Право. № 6. С. 63–70. [Ivanova N. V. (2013) Methodology for assessing the spatial differentiation of the economy of the regions of Russia // Economy. Taxes. Law. No. 6. P. 63–70. (In Russian).]

9. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. 1000 с. [On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2019. State Report. Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia; Lomonosov Moscow State University, 2020. 1000 p. (In Russian).]

10. Регионы России (2020) Социально-экономические показатели: Стат. сб. Москва: Росстат. 1242 с. [Regions of Russia (2020) Socio-economic indicators: Stat. sat. Moscow: Rosstat. 1242 p. (In Russian).]

11. Тикунов В. С., Черешня О. Ю. (2017) Комплексная многоуровневая оценка устойчивости развития регионов и ее визуализация / Геоинформационное и картографическое обеспечение экологических, экономических и социальных аспектов устойчивого развития территорий в условиях глобальных климатических изменений. Москва: МГУ. [Tikunov V. S., Cheresnya O. Yu. (2017) Complex multilevel assessment of regional development sustainability and its visualization / Geoinformation and cartographic support of environmental, economic and social aspects of sustainable development of territories in the context of global climate change. Moscow: MSU. (In Russian).] DOI: 10.24057/2414-9179-2017-1-23-10-19

12. Шабунова А. А., Груздева М. А. (2016) Развитие регионов Российской Федерации: интегральная методика как инструмент оценки // Региональная экономика: теория и практика. № 1. С. 100–112. [Shabunova A. A., Gruzdeva M. A. (2016) Development of the regions of the Russian Federation: integral methodology as an assessment tool // Regional economy: theory and practice. No. 1. P. 100–112. (In Russian).]

Regions of Siberia in the space of modern Russia: environmental and economic assessment

Bella A. Krasnoyarova

Doctor of Geographical Sciences, Professor

Head of the Laboratory of Landscape-Water-Ecological Research and Nature Management

Institute of Water and Environmental Problems SB RAS, Barnaul, Russia

Professor of the Department of Economic Geography and Cartography Altai State University.

Barnaul, Russia

Sophia N. Sharabarina

Candidate of geographical sciences, professor

Researcher, Laboratory of Landscape-Water-Ecological Research and Nature Management

Institute of Water and Environmental Problems SB RAS.

Barnaul, Russia

The article examines the dynamics of regional development of the regions of the Siberian Federal District (SFD) for 1995–2018. The results of calculating and comparing the indicators of the total index of regional development and the index of the ecological capacity of this development as of the first and last dates of this period are presented. These indices are calculated according to the author's methodology given in the article. It was revealed that during the period under review, the total index of regional development of the regions of the Siberian Federal District and the district as a whole decreased, especially significantly in the Republic of Khakassia, Altai Territory and Omsk Region, where the significant role of agriculture in the regional product remains. The ecological capacity of development of the Siberian regions remains high and continues to grow against the background of all-Russian indicators, which, according to the authors, indicates a low rate of technological re-equipment, mainly of industrial production and housing and communal services.

Keywords: *Regional development, ecological capacity, total index, Siberian Federal District, dynamics of regional development.*

JEL codes: *R11, R11.*

Позиционирование российского региона в глобальной агропродуктовой цепочке стоимости (на примере Орловской области)

Фролов Андрей Александрович¹,
Фролова Софья Андреевна²

Одним из проявлений изменения архитектуры мира является его построение вокруг отраслевых глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦС), которые предоставляют своим участникам новые возможности роста и развития. Одной из них служат агропродуктовые ГЦС, в рамках которых могут быть объединены многочисленные мелкие сельхозпредприятия. Опираясь на раскрытые в статье особенности агропродуктовой ГЦС и исходя из описанного экономического потенциала Орловской области, в статье выдвинута и раскрыта гипотеза о возможности формирования российской агропродуктовой ГЦС с размещением центра принятия стратегических решений в Орловской области. Несмотря на заметный рост объемов экспорта пищевой промышленности, в области формируется недостаточный уровень региональной добавленной стоимости. Размещение на ее территории звеньев с высоким уровнем добавленной стоимости будет способствовать ее эффективному развитию. Статья подготовлена по материалам экономического форума, проходившего 22 мая 2021 г. в г. Орел.

Ключевые слова: агропродуктовые глобальные цепочки стоимости (ГЦС), сельскохозяйственная специализация, российские регионы.

JEL коды: R11, Q13, Q17.

Современная мирохозяйственная система переживает кризис, который усугублен ограничениями внешнеэкономических связей, вызванных пандемией COVID-19. Он сопровождается падением объемов производства, уровня жизни населения, ростом безработицы практически во всех странах. Не избежали этой ситуации и внутригосударственные регионы нашей страны. Казалось бы, что для выхода из него необходимо применение антикризисных мер. Но мир изменился, и поэтому классических мер недостаточно, нужны новые подходы. Новые подходы необходимы и для решения амбициозных задач, зафиксированных в национальном проекте Российской Федерации «Международная кооперация и экспорт», а именно наращивание экспорта агропромышленной продукции в 2 раза — с 23 млрд долл. в 2018 г. до 45 млрд долл. в 2024 г. (Центр ОЭСР–ВШЭ, 2020).

¹ Фролов Андрей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

² Фролова Софья Андреевна — студентка 2 курса, Уральская сельскохозяйственная академия–университет. Екатеринбург, Россия.

Одним из проявлений изменения архитектуры мира выступает его построение вокруг отраслевых глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦС). Есть доказательства (Центр ОЭСР–ВШЭ, 2020), что участие национальных структурных элементов в глобальных цепочках добавленной стоимости остается ключевым фактором экономических преобразований в стране, включая агропродуктовую сферу (Greenville, Jouanjean, 2020), и это дает нам право рассматривать ГЦС–концепцию как эффективную в сложившейся ситуации. Наличие в России большого числа областей, краев и т. д., имеющих агропромышленную специализацию, дает возможность говорить о формировании национальных ГЦС с размещением в них технологических звеньев и функций, особенно в условиях ограничения экспортно-импортных операций, вызванных пандемией *COVID-19*.

Сущность цепочки создания добавленной стоимости на сегодняшний день исследована достаточно подробно. В научной литературе предлагается множество определений глобальных цепочек добавленной стоимости, но принципиальных отличий между ними нет, и каждое раскрывает суть цепочки с разных сторон. Например, одни авторы полагают, что глобальные цепочки обеспечивают трансформацию исходных природных ресурсов в продукт конечного потребления (Greenville, Jouanjean, 2020). Другие определяют ГЦС как механизм начисления стоимости в процессе создания конечного продукта, включающий различные технологические стадии производства (Sturgeon, 2001).

При этом следует подчеркнуть 2 существенных момента. Во-первых, субъекты, в которых сосредоточены технологические стадии, могут находиться в разных странах (национальных экономиках, или в разных регионах одной страны), что делает их глобальными, региональными или национальными. Во-вторых, на решение о размещении такой стадии на определенной территории влияет не только специализация региона, но и значение добавленной стоимости, создаваемой на этой стадии. Как известно, наибольший ее уровень соответствует таким стадиям, как НИОКР, управление брендом, а наименьший — стадии «производство»; это сформировало конфигурацию добавленной стоимости по типу «улыбающейся кривой» (цит. по: Фролова, Абдурахманова, Ишуков, 2021). Поэтому, несмотря на то, что в версии М. Портера (2011), цепочка создания стоимости предназначена для получения ценности для всех ее участников, интерпретация выгоды нуждается в уточнении в каждом конкретном случае. Например, при решении задачи создания рабочих мест актуальной для региона будет локализация звена «производство», которое является звеном с минимальной добавленной стоимостью.

Одной из отраслевых цепочек добавленной стоимости, в последнее время привлекающих пристальное внимание, является агропродуктовая (*agri-food*) ГЦС. Интерес к ней обусловлен не столько проблемой продовольственной безопасности, сколько следующими обстоятельствами: во-первых, исследования ОЭСР показывают, что сельскохозяйственная торговля сегодня все больше организована в пределах ГЦС (Greenville, Jouanjean, 2020). Во-вторых, этот подход позволяет мелким сельхозпредприятиям и фермерским хозяйствам получать прибыльный доступ к сетевому взаимодействию в ее рамках. В-третьих, агропродовольственные ГЦС вносят наибольший вклад в индустрию Европейского союза с точки зрения занятости, и в последние годы этот сектор активно вовлечен в процесс интернационализации (Sisto, Marseggia, Sica, 2021). Кроме того, в рамках ГЦС на основе информационных технологий возможно быстрое распространение сельскохозяйственных знаний, а через использование приложений — решение вопроса страхования урожая.

Наиболее часто изучаемыми аспектами агропродуктовой ГЦС выступают следующие: создание рабочих мест на стадии «производство» глобальных цепочек добавленной стоимости (Greenville, Jouanjean, 2020, p.15), ГЦС-анализ и сетевая структура цепочки ресурсов как источник возможностей для индивидуальных ее участников (Sisto, Marseglia, Sica, 2021, p. 612), развитие агробизнеса и ликвидация бедности (Humphrey, Memedovic, 2006), информационное обеспечение моделирования глобальных цепочек добавленной стоимости (Лукьянова, 2015). Но деятельность в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости позволяет по-новому решить вопрос финансирования, однако, к сожалению исследований, связанных с финансированием в агропродуктовой цепочке, пока недостаточно (Miller, Jones, 2010). В то же время, в рамках ГЦС у участников, особенно фермеров, появляются новые возможности за счет средств звеньев с максимальной добавленной стоимостью. Так, фермерам могут быть предоставлены первичные ресурсы с погашением затрат на стадии реализации финального продукта, кредит, предоставляемый, например, маркетинговой компанией или ведущей в глобальной цепочке добавленной стоимости фирмой (либо за счет ее ресурсов, либо взятого ею кредита). Интерес у участников агропродуктовой цепочки вызывает приложение *M-Pesa*, которое может поддерживать доступ к услугам мобильных платежей тем фермерам и мелким хозяйствам, кто не имеет банков.

Наиболее известными в мире примерами служат глобальные цепочки создания добавленной стоимости хлопка, кукурузы в Южной Африке, кофе в Бразилии, томатов в Гане, какао (Miller, Jones, 2010). В России в качестве необычного примера можно привести цепочку добавленной стоимости в растениеводстве с участием сельхозпредприятий и фермеров Калининградской области (Лукьянова, 2015).

Любая область России с сельскохозяйственной специализацией может быть интегрирована в мировые агро–ГЦС. Однако огромные просторы страны и достигнутые в отрасли успехи позволяют говорить о возможности интеграции регионов страны в рамках национальной ГЦС. Мировой опыт показывает, что серьезным вопросом остается формирование стратегических национальных ТНК, в рамках которых действуют цепочки (на акционерной или контрактной платформе), и размещение их штаб-квартир. Так, известные фармацевтические цепочки добавленной стоимости действуют в рамках гигантов, например, таких как Пфайзер, Тева, Полфарма, с размещением звеньев с высоким уровнем добавленной стоимости в стране происхождения цепочки, а с низким — за ее пределами. К формированию национальных глобальных цепочек добавленной стоимости подталкивают и возникшие из-за *COVID-19* ограничения экспортно-импортных операций, а также антироссийские экономические санкции мировых держав.

Одним из ключевых регионов России с ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией является Орловская область. Поэтому смеем выдвинуть гипотезу о необходимости инициации или интеграции агропромышленных предприятий области в глобальные агропродуктовые цепочки добавленной стоимости для прорывного развития экономики области в целом (за счет повышения уровня создаваемой на ее территории региональной добавленной стоимости, активной экспортной политики) и, в частности, вывода ее из кризиса. Потенциал Орловской области, который характеризуют итоги развития области за 2020 г., позволяет поддержать эту гипотезу (Инвестиционное послание, 2020):

– агропромышленный комплекс в Орловской области зафиксировал рост (пусть и небольшой — 101,7%) в сфере производства сельскохозяйственной продукции;

– создана достойная инфраструктура, в т. ч. особая экономическая зона и территория опережающего развития; имеются профильные вузы;

– объем экспорта пищевой продукции и перерабатывающей промышленности показал рост почти на 151%.

Традиционно участие предприятия или территории в глобальных цепочках добавленной стоимости рассматривают через интеграцию в технологические звенья (сырье, производство, складирование и т. д.). Но большой объем добавленной стоимости сосредоточен и в обеспечивающих функциях, таких как маркетинг, стандартизация, принятие решений (выполняются, как правило, в штаб-квартирах компаний, в рамках которых действует глобальная цепочка добавленной стоимости). Звенья с выполнением этих функций размещаются в крупных финансовых и индустриальных центрах.

Итак, с одной стороны, учитывая стратегическую для всей нашей страны сельскохозяйственную специализацию региона, а с другой стороны, — конфигурацию распределения добавленной стоимости в агропродовольственной глобальной цепочке добавленной стоимости по различным ее звеньям (в виде «улыбки»), предлагается:

– сделать Орловскую область ситуационным центром по формированию национальной воспроизводственной сельскохозяйственной цепочки, начиная от производства семян и до выпуска готовой пищевой продукции максимальной степени готовности с ее реализацией в своих национальных, региональных, областных торговых сетях; разместить в г. Орел Центр принятия стратегических решений в этой области (с размещением соответствующего офиса);

– для возрождения кооперационных связей в рамках такой цепочки с соседними областями и со странами ближнего зарубежья сформировать стратегическую межрегиональную (с соседними областями) выставочную компанию с элементами кооперационной биржи, в т. ч. виртуальной и постоянно действующей; организовать брендовые (с активным вовлечением населения и фермеров из сел) сельскохозяйственные выставки «Покупайте орловское»;

– развивать стадию «производство» 2-го уровня сложности, при этом привлекаемые инвестиции направлять на приобретение оборудования, а производственные площади выявить путем проведения инвентаризации имеющегося недозагруженного имущества; безусловно, развитие должно опираться и на информационные и коммуникационные технологии.

В качестве заключения отметим, что размещение на территории Орловской области звеньев с высоким уровнем добавленной стоимости будет способствовать ее эффективному развитию. Кроме того, новые подходы, в т. ч. ГЦС-подход, станут эффективным инструментом решения амбициозных задач, зафиксированных в национальном проекте Российской Федерации «Международная кооперация и экспорт».

Список литературы

1. Инвестиционное послание Губернатора Орловской области Клычкова А. Е. от 21 декабря 2020 г. [Investment message of the Governor of the Orel region Klychkov A. E. dated December 21, 2020. (In Russian).]

2. Лукьянова Н. Ю. (2015) Информационное обеспечение моделирования цепочек добавленной стоимости в растениеводстве // Молодой ученый. № 21.1 (101.1). С.49–52.

[Lukyanova N. Yu. (2015) Information support for modeling value added chains in crop production // Young Scientist. № 21.1 (101.1). С.49–52. (In Russian).]

3. Портер М. (2011) Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Паблишер. 453 с. [Porter M. (2011) Competitive strategy: A methodology for analyzing industries and competitors. Moscow: Alpina Publisher. 453 p. (In Russian).]

4. Фролова Е. Д., Абдурахманова З. А., Ишуков А. А. (2021) Особенности участия фармацевтических предприятий Казахстана в глобальных цепочках стоимости // Экономика региона. Т. 17. Вып. 2. С. 473–485. [Frolova E. D., Abdurakhmanova Z. A., Ishukov A. A. (2021) Features of participation of pharmaceutical enterprises of Kazakhstan in global value chains // Economy of the region. Vol. 17. Issue 2. P. 473–485. (In Russian).] URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-9>

5. Центр ОЭСР–ВШЭ (2020) Глобальные производственно-сбытовые цепочки в сельском хозяйстве и продовольствии: обобщение анализа ОЭСР. Новости от 4 февраля 2020 г. [OECD-HSE Center (2020) Global Value Chains in Agriculture and Food: a synthesis of the OECD analysis. News from February 4, 2020. (In Russian).] URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/339292824.html>

6. Greenville J., Jouanjean M–A. (2020) Global value chains in agriculture and food: A synthesis of OECD analysis / OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers, No. 139, OECD Publishing, Paris. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/6e3993fa-en>

7. Humphrey J., Memedovic O. (2006) Global Value Chains in the Agrifood Sector. / Working paper, 68 p. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2009-05/Global_value_chains_in_the_agrifood_sector_0.pdf

8. Miller C., Jones L. (2010) Agricultural Value Chain Finance Tools and Lessons. Published by Food and Agriculture Organization of the United Nations and Practical Action Publishing. 177 pp. URL: <http://www.fao.org/3/i0846e/i0846e.pdf>

9. Sisto R., Marseglia A., Sica E. (2021) Agri-food Exports and Challenges of Foreign Markets for a Small region: a Network Approach // Economy of region. Vol. 17. Iss. 2. P. 607–618. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-18>

10. Sturgeon T. J. (2001) How Do We Define Value Chains and Production Networks? // IDS Bulletin. Vol. 32. № 3. P. 9–18. DOI: 10.1111/j.1759-5436.2001.mp32003002.x.

Positioning of the Russian region in the global agro-product value chain (on the example of the Orel region)

Frolov Andrey Alexandrovich

*PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Department of International Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Yekaterinburg, Russia.*

Frolova Sofya Andreevna

2nd year student, Ural Agricultural Academy-University. Yekaterinburg, Russia.

One of the manifestations of the changing architecture of the world is its organization around the industrial global value chains (GVCs), which provide their participants with new opportunities for growth and development. One of them is the agro-food GVC, within which numerous small agricultural enterprises can be united. Taking into account the features of the agro-food GVC disclosed in the article, and based on the described economic potential of the Orel region, the article puts forward and reveals a hypothesis about the possibility of forming a Russian agro-product GVC with the localization of a strategic decision-making center in the Orel region. Despite a noticeable increase in the volume of exports of the food industry, an insufficient level of regional added value is being formed in the region. The localization of links with a high level of added value on its territory will contribute to its effective development. The article is based on the materials of the economic forum held on May 22 in the city of Orel.

Key words: *agro-food global value chains (GCS), agricultural specialization, Russian regions.*

JEL codes: *R11, Q13, Q17.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Постисламизм как реакция на нестабильность социально-политических систем в регионе БВСА

Хайруллин Тимур Радикович¹

В статье представлен анализ такого сложного явления, как постисламизм, который возник в качестве альтернативной модели подвергшимся в 1990-е гг. кризису идеям исламизма. В постисламистской интерпретации исламизм как политическая идеология «обращен в прошлое», в то время как постисламизм — идеология, которая в состоянии подстроиться под современные реалии, и не несет угрозы политическим системам. Отличительной чертой постисламистских идей выступает их сочетаемость с принципами демократии в условиях глобализирующегося мира. В отличие от исламизма, постисламизм делает акцент на правах отдельно взятого человека вместо его обязанностей. Однако эти прогрессивные идеи не смогли стать полноценной заменой исламизму, поскольку снижение его популярности в конце XX в. оказалось временным. «Арабская весна» значительным образом повлияла на идеологическую архитектуру региона САБВ. Победа умеренных исламистов в парламентских выборах в Египте, Тунисе и Марокко привела к наступлению новой фазы постисламизма. Однако процесс создания постисламистских обществ находится на стадии формирования, и говорить о провале исламизма в его чистом виде еще рано. Немногие исламистские организации и движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением принципов шариата. Поскольку постисламизм неоднозначен, границы между ним и исламизмом до сих пор размыты и неточны.

Ключевые слова: исламизм, постисламизм, Ближний Восток, Северная Африка, Арабский мир, «арабская весна».

JEL коды: F51, F52.

Вот уже более 3-х десятилетий постисламизм находится в центре дебатов в академических кругах относительно исторической эволюции исламизма. Эта концепция была выдвинута в начале 1990-х гг. как попытка осмыслить очевидный кризис исламизма, развитие консервативной формы которого возглавила Саудовская Аравия. Роль Саудовского королевства как ведущей исламистской силы оказалась частично подорвана действиями Ирака, захватившего Кувейт, и появлением американских войск на территории Саудовской

¹ Хайруллин Тимур Радикович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. Москва, Россия.

Аравии. Помимо этого, активность саудовцев в продвижении исламистского проекта была замедлена падением цен на нефть в период 90-х гг. XX в.

Впервые в научный оборот термин «постисламизм» был введен французским ученым Оливье Карре в 1991 г. в его работе «L'Utopie islamique dans l'Orient Arabe» (Carre, 1991). Наряду с О. Карре, родоначальниками постисламистской идеологии считаются французский ученый Оливер Рой и американо-иранский исследователь Асеф Баят.

Для О. Карре постисламизм — это единственный вариант выхода мусульманской общественно-политической мысли из ловушки¹, в которую она попала с 1920-х гг., т. е. с начала антиколониальной борьбы (García, 2012; Carre, 1991).

Изучая внутривосточную ситуацию в Иране, А. Баят определил постисламизм как состояние, при котором после ряда экспериментов исчерпываются привлекательность, энергия, символы и источники легитимности исламизма даже среди его некогда ярких сторонников. Постисламизм представляет собой попытку объединить религиозность и права, веру и свободу. Это попытка перевернуть основополагающие принципы исламизма с ног на голову, сделав акцент на правах вместо обязанностей, плюрализме в пространстве единственного авторитарного голоса, историчности вместо фиксированного Священного Писания и будущем вместо прошлого (Bayat, 2007). При этом постисламизм не является антиисламским, а скорее отражает тенденцию к ресекюляризации религии. В первую очередь, он призывает ограничить политическую роль религии (Bayat, 1996).

Схожей с А. Баятом точки зрения придерживается О. Рой, который утверждает, что исламисты во всем мире не смогли воплотить свою идеологию в конкретный и жизнеспособный план развития общества (Roy, 1999; Roy, 2004). Помимо этого, Рой утверждает, что переориентация исламистских движений и отдельных мусульман на религиозность и уход от политики выступает признаком провала политического ислама. Такой тенденции способствовали глобализация и вестернизация как независимые переменные, оказавшие колоссальное влияние на сознание и поведение мусульман. На этом фоне отказ исламистов от транснациональной солидарности и их новая ориентация на национальную политику представляются еще одним признаком провала исламизма (Roy, 1996).

Несмотря на то, что исламисты не смогли прийти к власти в большинстве мусульманских стран, этот сдвиг можно трактовать как тактический, а не стратегический по своему характеру, поскольку не многие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением исламского права.

В постисламистской интерпретации исламизм как политическая идеология «обращен в прошлое», в то время как постисламизм — это идеология, которая в состоянии подстроиться под современные реалии и не несет угрозы политическим системам. Отметим, что, поскольку исламизм неоднозначен, границы между ним и постисламизмом до сих пор размыты и неточны. В любом случае, постисламизм представляет собой более интеллектуальный дискурс об исламе и его месте в современном мире и обществе.

Первым примером постисламизма, по мнению одного из идеологов данного направления, А. Баята, стал Иран. Кульминацией исламистской борьбы в Иране стала громкая победа Исламской революции над режимом шаха в 1979 г. Постепенный переход к

¹ Под ловушкой, судя по всему, О. Карре имеет в виду формирование идеологии исламизма и его основной цели создания исламского государства в первой половине и третьей четверти XX в., которая так и не была достигнута. Эта цель в чистом виде для постисламистов утопична.

постисламизму произошел позже, после того, как в середине 1980-х гг. началось политическое разочарование, усилившись в начале 1990-х гг. — с приходом к власти либерально настроенной элиты, которая не верила в осуществимость «экспорта исламской революции» по всему мусульманскому миру. Очевидный прагматизм нового подхода к исламистскому проекту заключался в стремлении исламизировать те общины и государства, которые проявляют лояльность по отношению к Тегерану. Во внутренних делах, по мнению А. Баята, постисламизм выражался в идее слияния ислама (как персонифицированной веры) с индивидуальной свободой и выбором, ассоциируясь с ценностями демократии и аспектами современности (Bayat, 2007; Bayat, 1996).

Следующим успешным примером, по мнению постисламистов, выступает Турция. Правящая исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) представила интересный пример того, как неудачи исламистов в правительстве в середине 1990-х гг. привели к переосмыслению их подходов и, в конечном итоге, к приходу к власти ПСР в 2003 г. Победив на выборах, ПСР изменила свои приоритеты с глобальной шариатизации на демократию и национальное государство. Более того, при исламистах сохранилась многопартийная демократия и наблюдался значительный экономический рост (White, 2005; Crowder, Griffiths, Hasan, 2014). Партия отрицает, что она является исламистская, а ее лидер — Р. Т. Эрдоган — выступает за неосекуляризм, который, по его мнению, не противоречит исламу (Kuru, 2013).

Несмотря на то, что на рубеже 1990–2000 гг. Иран и Турция предприняли активные действия в сторону демократизации, отнесение их моделей государственно-политического развития к постисламистским, на наш взгляд, преждевременно. К примеру, в Турции расширение гражданских прав в начале 2000-х гг. связано со стремлением государства вступить в Европейский союз. Несмотря на то, что ПСР отрицает свою принадлежность к разряду исламистских партий, она имеет тесные связи с транснациональной организацией «Братья-мусульмане» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) (Хайруллин, 2019). В 2008 г. ПСР в ходе разбирательств в Конституционном суде с большим трудом избежала своего закрытия из-за обвинений в нарушении «секулярных» статей Конституции (Chamkhi, 2014). События «арабской весны» подтвердили «поворот Турции на Восток», когда она совместно с Катаром предприняла активные действия по поддержке «Братьев-мусульман» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) в ряде арабских стран для укрепления своих региональных позиций (Васильев, Хайруллин, Коротаев, 2019а). Что касается концепции секуляризма правящей исламистской партии, то она имеет существенные отличия от ее классической интерпретации и носит скорее тактический характер, чтобы показать, что Турция остается развитым демократическим государством.

В Иране политика либерализации политической, экономической и социальной жизни, а также терпимого отношения к культуре и установления более тесных связей со странами Запада в период 1990-х гг., сменилась консервативно-охранительной политикой президента М. Ахмадинежада, выступавшего за возрождение традиционной исламской культуры и ограничение внешнеполитических связей со странами Запада.

Более того, применимость идей постисламизма в рассматриваемый период была поставлена под сомнение, поскольку некоторые исламистские партии, далекие от политического истощения, на протяжении 2000-х гг. доказывали, что их электоральный потенциал все еще силен и что достижение политической власти остается их важнейшей целью. К примеру, репрессии и жесткие ограничения в избирательных правилах не

помешали египетским «Братьям-мусульманам» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) показать хорошие результаты на выборах в законодательные органы в 2005 г. Марокканская Партия справедливости и развития (ПСР) также хорошо зарекомендовала себя на рубеже 1990–2000-х гг., показав позитивную динамику роста депутатских мандатов в законодательном органе страны.

«Арабская весна» вызвала очередную волну предсказаний о «закате исламизма» и наступлении нового «постисламистского рассвета» (Dabashi, 2012; Bayat, 2013a). Выступления народных масс против авторитаризма и призывы к гласности и демократии расценивались как «критика исламизма» и проявление воли «постисламистского общества», которое хочет выйти за рамки традиционной исламской политики, подчеркивая права людей, а не только их обязанности. По мнению А. Баята, провал исламизма в период событий «арабской весны», по-видимому, ведет прямо к либеральной демократии в рамках светского гражданского государства с сохранением «благочестивого общества» (Bayat, 2013b).

С возобновлением постисламистского дискурса в период событий «арабской весны» впервые был упомянут термин «неоисламизм», который, по сути, лишь подменял по своему смыслу термин «постисламизм». Так, Т. Чамхи считает, что неоисламизм появился в начале 1990-х гг. и определяет его как тенденцию, возникшую в рамках основного движения «Братья-мусульмане» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) и его продемократических филиалов в мусульманском мире, которые используют либеральные концепции в тактических или стратегических целях, преследуя при этом те же традиционные цели исламизма (Chamkhi, 2014). Такие ученые, как С. Халифа, М. Ибахрин и А. Бубекер, не давая определений, так же связывали этот термин с так называемым «умеренным исламизмом», в основном представленным Ассоциацией «Братья-мусульмане» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) (Khalifa, 2012; Ibahrine, 2012; Boubekeur & Roy, 2012).

Р. Райт, автор книги «Исламисты идут: кто они на самом деле», использовал термин «неоисламист» для описания «Братьев-мусульман» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) и их филиалов, которые считаются прогрессивными, прагматичными и стремящимися к целям шариата, а не к его буквалистскому прочтению. В этом отношении неоисламистов, по словам Р. Райта, можно охарактеризовать как более гибких (по сравнению с другими традиционными формами исламизма), информированных и зрелых в своем политическом мировоззрении. Они считают, что ислам динамичен и представляет собой не набор фиксированных правил и догматов, а скорее органическую систему верований, которая может адаптироваться и жить в ногу со временем (Wright, 2012).

Отметим, что в качестве страновых примеров построения постисламистского общества в период событий «арабской весны» приводятся Тунис и Марокко. Успех «Братьев-мусульман» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**) в Египте, судя по всему, трудно вписывается в постисламистскую парадигму из-за его кратковременности и неспособности египетских исламистов удержаться на политической арене.

Тунисская исламистская партия «Возрождение» (ан-Нахда), продемонстрировала твердую готовность идти на компромисс и принимать консенсусные решения, далекие от ее первоначальных исламистских идеологических принципов (Kömeçoğlu, 2014). Итогом парламентских выборов 2011 г. стала убедительная победа ан-Нахды, получившей 89 мест из 217-ти. Пройдя в парламент созыва 2011–2014 гг., исламисты образовали парламентскую

коалицию «Тройка» с Демократическим форумом за труд и свободы и Конгрессом за республику, заняв в совокупности 138 депутатских кресел и получив тем самым возможность оказывать доминирующее влияние на работу тунисского парламента (Васильев, Хайруллин, Коротаев, 2019b). Тактическое сближение ан-Нахды с неисламистскими партиями показывает ее прагматизм, а также способность идти на компромисс ради достижения общих целей — перехода от авторитаризма к демократии. Лидер ан-Нахды Р. Аль-Ганнуши не раз высказывался о совместимости ислама с демократическими ценностями и выступал за достижение справедливости и свободы в тунисском обществе (Cavatorta, Merone, 2015). Однако продвигаемая умеренными исламистами политика сочетаемости ислама с элементами демократии затормозилась, когда парламентские выборы 2014 г., проведенные на основе новой конституции, не позволили исламистам закрепиться у власти. Партия «Возрождение» набрала 28% голосов и сформировала 2-ю по численности депутатскую фракцию в парламенте (Хайруллин, 2019). Исламисты были отстранены от активной политики, однако, в отличие от египетских «Братьев-мусульман» (**запрещенная в Российской Федерации группировка**), сумели остаться на политической арене.

В Марокко исламистская Партия справедливости и развития, воспользовавшись благоприятной политической конъюнктурой, выступала за расширение прав и свобод марокканского народа. Демократические лозунги позволили ПСР достичь победы на парламентских выборах 2011 г., а ее представителю — возглавить правительство. Несмотря на то, что законодательные возможности ПРС постоянно сдерживались королевской властью, ей удалось повторить успех на следующих парламентских выборах в 2016 г. и остаться на политическом олимпе. По мнению С. Земни, ПСР остается постисламистской в том смысле, что она не столько стремится восстановить «первоначальный исламский город времен пророка», сколько пытается создать социальный порядок, где справедливость гарантирована через уважение к исламским ценностям, которые имеют свою генеалогию в священных текстах (Zemni, 2013).

Если примеры Ирана и Турции относительно построения постисламистского общества носят неустойчивый и сомнительный характер, то модели, которые приблизились к преобразованиям политического ислама, основанные на интеграции в демократический выбор, гражданское государство и разделение религии и политики в опыте Туниса и Марокко, по-видимому, предполагают успехи, приближающиеся к сути постисламистской идеи.

Отметим, что на фоне активизации умеренных исламистских партий, на политическую арену в ряде арабских государств региона вышли салафитские партии, что говорит о существенных сдвигах в традиционной салафитской доктрине (Хайруллин, 2020). Однако активизация салафитов, по мнению теоретиков постисламизма, не вписывается в постисламистский дискурс. В частности, А. Баят призывает не принимать всерьез «политизацию салафитов» и считать эти партии исключением в постисламистских трансформациях «арабской весны» (Bayat, 2013b). Для О. Роя салафизм как идеология совершенно неуместен. Участие салафитов в политической борьбе объясняется им тем, что без парламентского присутствия они потеряли бы свое влияние в постисламистском будущем (Bayat, 2013b; Roy, 2012). Поскольку салафизм в своей основе устремлен «в прошлое» и стремится возродить «чистый ислам», каковым он был во времена пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, он ни в какой форме (направления в исламе либо консервативного салафитского исламизма) не может быть связан с прогрессивными идеями

постисламизма. Только либерально настроенные умеренные исламисты могли дать развитие постисламистским идеям.

Выводы

На наш взгляд, неудачи исламизма в 1990-е гг. и в период событий «арабской весны» представляют собой лишь временный кризис исламизма, развитие которого имеет циклический характер. С другой стороны, достижение умеренными исламистами политической власти внутри отдельных государств (Тунис, Марокко), а также выступление за совмещение ислама и демократии, говорит об изменяющейся природе исламистской идеологии, которая открывает его новые модификации. Появление постисламистской интерпретации этих событий как раз подтверждает данную точку зрения. Исходя из этого, так называемый постисламизм, несмотря на свою заявку на самостоятельный идеологический этап, остается пока лишь направлением в исламизме.

Список литературы

1. Васильев А. М., Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. (2019а) Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // Азия и Африка сегодня. № 10. С. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2. [Vasiliev A. M., Khayrullin T. R., Korotayev A. V. (2019a) Qatari-Turkish Alliance Challenge for regional leadership // Asia and Africa today. No. 10. P. 2–9. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750006519-2
2. Васильев А. М., Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. (2019b) Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 2–8. DOI: 10.31857/S032150750007015-8. [Vasiliev A. M., Khayrullin T. R., Korotayev A. V. (2019b) Qatari-Turkish Alliance Challenge for regional leadership // Asia and Africa today. No. 11. P. 2–8. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750007015-8
3. Хайруллин Т. Р. (2019) Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? Москва. [Khayrullin T. R. The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a Chance? Moscow. (In Russian).] ISBN 978-5-91298-243-9.
4. Хайруллин Т. Р. (2020) Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5. [Khayrullin T. R. (2020) Politization of Salafism in the Middle East and North Africa // Asia and Africa today. No. 12. P. 19–26. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750012794-5
5. Bayat A. (1996) The Coming of a Post-Islamist Society // Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East. Vol. 5. No. 9. P. 43–52.
6. Bayat A. (2007) Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn. Stanford.
7. Bayat A. (2013a) (ed.) Post-Islamism: The Many Faces of Political Islam. New York.
8. Bayat A. (2013b) Arab Spring and its Surprises // Development and Change. Vol. 44. No. 3. P. 587–601.
9. Boubekour A., Roy O. (2012) Whatever happened to the Islamists? Salafis, heavy metal Muslims and the lure of consumerist Islam. New York.
10. Carre O. (1991) L'Utopie islamique dans l'Orient Arabe. Paris.

11. Cavatorta F., Merone F. (2015) Post-Islamism, ideological evolution and 'la tunisianité' of the Tunisian Islamist party al-Nahda // Journal of Political Ideologies. Vol. 20. No. 1. P. 27–42.
12. Chamkhi T. (2014) Neo-Islamism in the post-Arab spring // Contemporary Politics. Vol. 20. No. 4. P. 453–468.
13. Crowder G., Griffiths M., Hasan M. (2014) Islam, Islamism, and Post-Islamism: Rediscovering Politics after the War on Terror // Australian Journal of Politics & History. Vol. 60. No. 1. P. 110–124.
14. Dabashi H. (2012) The Arab Spring: The End of Postcolonialism. London.
15. García L. G. (2012) Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini's Death to the Arab Revolts // Religion Compass. Vol. 6. No. 10. P. 451–466.
16. Ibahrine M. (2012) New media and neo-Islamism: new media's impact on the political culture in the Islamic world. Saarbrücken.
17. Khalifa S. (2012) The neo-Islamists // Foreign policy. URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2012/01/29/the-neo-islamists/>
18. Kömeçoğlu U. (2014) Islamism, Post-Islamism, and Civil Islam // Current trends in Islamist ideology. Vol. 16. No. 17. P. 16–32.
19. Kuru A. T. (2013) Muslim politics without an "Islamic state": can Turkey's justice and development party be a model for Arab Islamists? Policy Briefing. Doha.
20. Roy O. (1999) Le post-islamisme // Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée. Vol. 85. No. 1. P. 11–30.
21. Roy O. (2004) Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York.
22. Roy O. (2012) The transformation of the Arab world // Journal of Democracy. Vol. 23. No. 3. P. 5–18.
23. White J. (2005) The End of Islamism? Turkey's Muslimhood Model // Hefner R. ed., Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization. Princeton. P. 87–111.
24. Wright R. (2012) The Islamists are coming: who they really are. Washington.
25. Zemni S. (2013) Moroccan Post-Islamism: emerging trend or chimera // Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam. New York: Oxford University Press. P. 134–156.

Post-Islamism as a reaction to the instability of socio-political systems in the MENA region

Timur Radikovich Khayrullin,

*PhD in Political Sciences, senior research fellow at the Center of Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies; researcher of the Center of Political Studies.
Moscow, Russia*

The article presents an analysis of such a complex phenomenon as post-Islamism, which emerged as an alternative model to the ideas of Islamism that underwent a crisis in the 1990s. In the post-Islamist interpretation, Islamism as a political ideology is "turned into the past", while post-Islamism is an ideology that is able to adapt to modern realities, and does not pose a threat to political systems. A distinctive feature of post-Islamic ideas is their compatibility with the principles

of democracy in a globalizing world. Unlike Islamism, post-Islamism focuses on the rights of an individual instead of his duties. However, these progressive ideas could not become a full-fledged replacement for Islamism, since the decline in its popularity at the end of the XX century turned out to be temporary. The Arab Spring significantly influenced the ideological architecture of the region. The victory of moderate Islamists in the parliamentary elections in Egypt, Tunisia and Morocco led to the onset of a new phase of post-Islamism. However, the process of creating post-Islamic societies is at the stage of formation, and it is still too early to talk about the failure of Islamism. Few Islamist organizations and movements have abandoned their goal of creating an Islamic state with the full application of the principles of Sharia. Since post-Islamism is ambiguous, the boundaries between it and Islamism are still blurred and inaccurate.

Keywords: *Islamism, post-Islamism, Middle East, Arab World, Arab Spring.*

JEL codes: *F51, F52.*

Внешняя торговля Китая: тенденции развития, роль для национальной экономики и трансформация регулирования

Хэ Миндзюнь¹

В статье дан анализ объективных тенденций развития внешней торговли Китая с точки зрения ее роли для национального хозяйства и ее современного государственного регулирования. На основе проведенного комплексного статистического анализа автор обосновывает точку зрения о том, что внешняя торговля Китая, активно и поступательно развиваясь на протяжении ряда десятилетий, остается, однако, под жестким влиянием внешних и внутренних факторов, оказывающих значительное влияние на нее. По мнению автора, государство должно осуществлять своевременное регулирование законодательных норм в сфере внешней торговли, которые обеспечат защиту отечественного производителя на национальных и мировых рынках, что позволит стране увеличить собственные преимущества, сократить негативное влияние глобальных угроз, значительно усилившихся в последние годы. Также предложена авторская этапизация развития внешней торговли Китая в 1980–2020 гг.

Ключевые слова: Китай, внешняя торговля, мировая экономика, структурная трансформация торговли, глобальная нестабильность.

JEL коды: F42, F43.

Внешняя торговля традиционно играет важнейшую роль в обеспечении развития, стабильности, перспектив Китая в экономическом и социальном аспектах, и в какой-то мере — в аспекте региональном. Растет также интерес исследователей к успехам китайской внешней торговли — ее связь с социально-экономическими успехами (Хэ и др., 2020), с иностранными инвестициями (Яо, 2019), с продолжающейся трансформацией регулирования внешней торговли КНР. Таким образом, появляются новые особенности в системе внешней торговли Китая.

С началом экономического (в том числе — внешнеэкономического) реформирования, открытости миру, т. е. с рубежа 1989–1990-х гг., ориентированная на экспорт экономика Китая процветает, общий объем импорта и экспорта быстро растет, масштаб импорта и экспорта продолжает расширяться (рис. 1).

На рис. 1 четко видно 3 различных периода, или этапа, развития внешней торговли — с начала реформ до конца 1990-х гг., и затем с начала XXI в. до 2020 г.

На первом этапе — до начала 1990-х гг., — экономика Китая, стремясь нарастить производство и экспорт, основываясь на иностранных инвестициях, на иностранных ноу-хау как в производстве, так и в управлении (менеджменте) и на не слишком высоком уровне квалификации многочисленных рабочих. Структура экспорта в Китае в 1980-х гг.

¹ Хэ Миндзюнь — кандидат экономических наук, старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, Куньмин, Китай.

трансформировалась от первичных продуктов к промышленным товарам. На этом этапе Китай вывозил в основном продукцию производств с низким уровнем квалификации, а импортировал высокотехнологичные товары.

После реформ и открытости Китай начал обработку импортных материалов, образцов, сборку деталей и обработку сырья и применял другие гибкие и разнообразные торговые методы для роста экспорта. Страна привлекала технологии, использовала техническое лицензирование, консультации, технические услуги, совместное производство и т. д. для роста торговли с зарубежными странами.

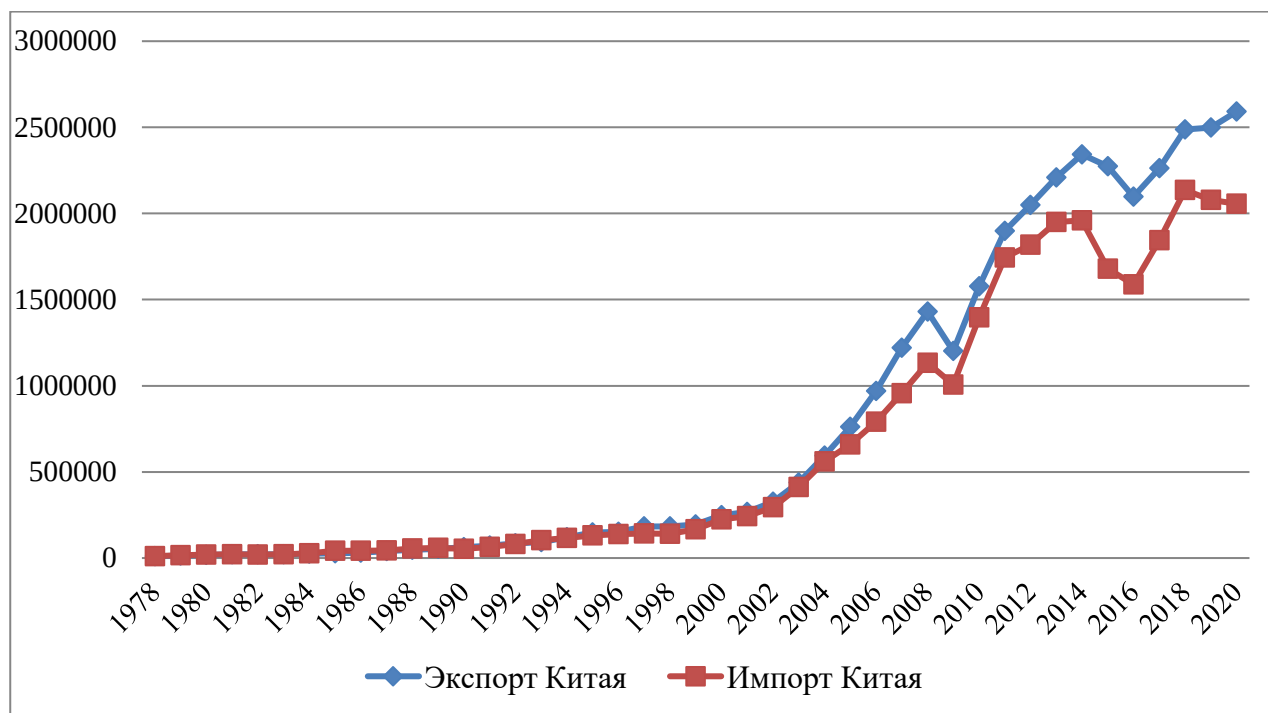

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Китая в 1978–2020 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Внешнеторговые операции выполнялись как государственными предприятиями (1), так и предприятиями с иностранными инвестициями (2) и частными китайскими структурами, включая кооперативы (3). Общий объем импорта и экспорта частных компаний (с иностранными инвестициями и без таковых) в тот период превышал соответствующие показатели государственных предприятий (Review of China's Foreign Trade in 2020).

В последние 20 лет XX в. ключевой момент реформы системы внешней торговли заключался, главным образом, в переходе от прямого управления правительством внешнеторговых процессов к косвенному регулированию, от директивного плана к рыночной корректировке. Государство постепенно начинает использовать цены, обменный курс, процентные ставки, налоговые льготы, экспортные кредиты и другие экономические инструменты для регулирования внешней торговли.

В этот период Китай всесторонне развил внешнюю торговлю и установил торговые отношения с подавляющим большинством стран и регионов мира. В 1978 г. у Китая было всего несколько десятков внешнеторговых партнеров, в том числе — СССР. В 1980-е гг.

активизировался товарообмен Китая с ЕС, АСЕАН, а также с США, Австралией, Республикой Корея и многими другими странами. В 1978 г. импорт и экспорт китайских товаров составил всего 21 млрд долларов США. Страна занимала 32-е место в мировой торговле товарами с долей менее 1% от мирового показателя. До 1993 г. включительно импорт Китая был в стоимостном выражении больше экспорта, страна имела отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, соответственно, не было валютных поступлений от экспорта.

Однако на этом этапе произошел и значительный рост объема внешней торговли Китая. Так, экспорт вырос с 9954,86 млн долларов в 1978 г. до 91744 млн долларов в 1993 г., т. е. в 9,2 раза, а импорт, соответственно, с 11130,9 до 103959 млн долларов, т. е. примерно в том же темпе. Интенсивное развитие внешней торговли стало важным способом для Китая ускорить модернизацию, изменить отсталое производство, стимулировать экономическое развитие и улучшить интегрированную национальную мощь.

Второй этап — 1994-2001 гг. — был очень важным периодом для социально-экономической и внешнеторговой сферы Китая. В 1994 г. экспорт Китая впервые превзошел импорт в стоимостном выражении, и с этого года сальдо оставалось положительным до 2020 г. включительно. Причем, и это заметно на рис. 1, величина внешнеторгового сальдо имеет тенденцию к росту. Этот этап ознаменовался более быстрым темпом роста экспорта Китая и относительно менее быстрым темпом роста импорта. Так, если в 1994 г. стоимостной объем китайского экспорта составил 121 млрд долл., то в 2001 г. его объем по стоимости достиг 266 млрд долл. (рост в 2 раза). В 2000 г. профицит Китая во внешней торговле составил 24,2 млрд долл., и в последующие годы продолжал расти.

К 1990-м гг. в структуре китайского экспорта осуществился переход от вывоза на мировые рынки легкой текстильной продукции к торговле электромеханическими товарами.

Таблица 1.

Товарная структура китайского экспорта в 1980–2000 гг.

	1980		1990		2000	
	Общая сумма, 100 млн долл.	Доля (%)	Общая сумма, 100 млн долл.	Доля (%)	Общая сумма, 100 млн долл.	Доля (%)
Общая сумма экспортных товаров	181,2	100	620,9	100	2492,1	100
Первичные продукты	91,1	50,3	158,9	25,6	254,6	10,2
Промышленные товары	90,1	49,7	461,8	74,4	2237,5	89,8
Химические продукты	11,2	6,2	37,3	6,0	121,0	4,9
Сырьевые товары	40,0	22,1	125,8	20,3	425,5	17,1
Машины и транспортное оборудование	8,4	4,7	55,9	9,0	826,0	33,1
Разные изделия	28,4	15,7	126,9	20,4	862,8	34,6
Другие товары	2,1	1,2	116,3	18,7	2,2	0,1
Электромеханическая продукция	13,9	7,7	110,9	17,9	1053,1	42,3
Высокотехнологичная продукция	—	—	—	—	370,4	14,9

Источник: таможенная статистика КНР за соответствующие годы.

Как видно из табл. 1, в 1980–2000 гг. резко выросла доля (а также стоимостной объем) китайского экспорта электротехнической, а также высокотехнологичной продукции. Это стало результатом модернизации производства, роста инновационной составляющей в результате соответствующей политики страны.

В 1990-е гг. в Китае были проведены институциональные реформы внешней торговли с корректировкой обменных курсов и таможенных тарифов, введением свободно конвертируемого юаня в рамках проекта официального обменного курса и рыночного плавающего обменного курса. Система макроэкономического контроля внешней торговли в сфере товаров и услуг постепенно совершенствовалась.

Третий этап — 2002–2020 гг. — качественным образом отличался от предыдущих.

Во-первых, в 2001 г. Китай вступил в ВТО, пройдя многолетний путь подготовки, в том числе — скорректировав существовавшие национальные законы и правила с требованиями ВТО. Это дало возможность стране стать полноправным участником глобальной торговой системы и увеличить положительные эффекты от международной торговли (Хэ, 2013), и существенно нарастить стоимостной объем товарооборота (табл. 2).

Как видно из анализа статистических данных табл. 2, в 2001–2020 гг. товарный экспорт Китая вырос с 266 млрд долл. в 2001 г. до 2,6 трлн долл., т. е. в 9,7 раза, а импорт, соответственно, с 243,6 до 2055,8 млрд долл., т. е. в 8,4 раза. В 2004 г. впервые в истории товарооборот Китая превысил 1 млрд долл., это большая победа страны. Стоит отметить, что в 2020 г. товарооборот Китая достиг исторического максимума в 4646873 млн долларов в текущих ценах по текущему курсу, что выше показателя предыдущего года на 1,5%, в то время как мировая торговля серьезно сократилась в 2020 г. из-за глобальной пандемии и повсеместных локдаунов.

Несмотря на трудности, внешняя торговля Китая быстро восстанавливалась и неуклонно росла, демонстрируя свою большую устойчивость и всеобъемлющую конкурентоспособность. С июня 2020 г. Китай 7 месяцев подряд регистрировал положительный рост внешней торговли и достиг рекордного уровня по общему объему внешней торговли, экспорту и доле международного рынка, став единственной крупной экономикой с положительным ростом торговли товарами в течение года. Согласно данным таможенной администрации Китая, китайский экспорт и импорт продемонстрировали устойчивый рост, соответственно, на 14,2% и 11,5%, а внешнеторговый оборот — на 12,8%, достигнув исторического максимума (Review of China's Foreign Trade in 2020).

Продолжился рост профицита внешней торговли КНР. В 2020 г. его величина превысила 0,5 млрд долл. в результате стремительного расширения экспорта, связанного с тем, что китайская продукция становится все более конкурентоспособной на мировом рынке в результате продолжающейся модернизации и роста инноваций. С другой стороны, рост положительного сальдо торгового баланса, т. е. растущий дисбаланс в торговле Китая со многими западными странами, стал создавать проблемы в торговле и экономике страны в целом (Супян, 2019), и в инновационной сфере также (Евсеев, 2019).

Во-вторых, растет международная конкурентоспособность торговли услугами КНР. После вступления в ВТО торговля услугами Китая вступила в новую фазу развития, быстро расширяясь, постепенно оптимизируя свою структуру и занимая лидирующие позиции в мире.

Таблица 2.

Динамика экспорта и импорта КНР в 2000–2020 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Экспорт КНР	266098	325596	438228	593326	761953	968978	1220456	1430693	1201612	1577754
Импорт КНР	243553	295170	412760	561229	659953	791461	956116	1132567	1005923	1396247
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт КНР	1898381	2048714	2209005	2342293	2273468	2097632	2263346	2486695	2499457	2591121
Импорт КНР	1743484	1818405	1949990	1959233	1679566	1587925	1843792	2135748	2078386	2055752

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Так, зафиксирован устойчивый рост торговли услугами в сфере туризма, транспорта, строительства, связи, страхования, финансов, компьютерных и информационных услуг, роялти, консалтинга и др. В период с 2001 по 2010 гг. общий объем экспорта китайских услуг (без учета государственного сектора) увеличился более чем в 4 раза — с 719 млрд до 362,4 млрд долл. Доля экспорта услуг Китая в мировом показателе возросла с 2,4% до 4,6% и достигла 170,2 млрд долл. в 2010 г.

В-третьих, растет экспорт высокотехнологичных товаров, произведенных в КНР (рис. 2). Структура экспорта стала более сбалансирована. В новый век Китай пришел с электронными и информационными технологиями, представленными в качестве экспортной доли высокотехнологичных продуктов. Высокотехнологичный экспорт, все более производившийся на отечественных предприятиях — государственных и частных, — неуклонно рос.

Причем, как видно из рис. 2, наиболее быстрыми темпами растет экспорт продукции высокопрофессиональных и наукоемких производств, а также продукции производств со средним уровнем квалификации (кроме электроники). Это — результат, прежде всего, структурных трансформаций национальной экономики, осуществляющейся на протяжении ряда десятилетий.

Экспорт товаров, произведенных с помощью высококвалифицированного труда, также растет — как электроника (и готовая продукция, и ее элементы), так и другие направления. И, **в-четвертых**, можно ожидать, что в дальнейшем роль высокотехнологичных производств в национальном экспорте Китая будет возрастать.

Наконец, Китай приступил к усовершенствованию своего внешнеторгового законодательства. Так, 1 декабря 2020 г. вступил в силу первый Закон Китая об экспортном контроле. Сроки принятия нового закона предполагают, что он станет ответом на экспортные ограничения, направленные против Китая администрацией США. Этот закон помогает Китаю привести свою практику экспортного контроля в соответствие с практикой США, давая ему законные основания применять аналогичную тактику в их растущей технологической войне. Язык закона одновременно расплывчат и широк, оставляя место для различных толкований. Такая неопределенность может нарушить глобальные торговые потоки и оказать значительное влияние на инвестиционные решения с участием китайских фирм. Хотя это первый Закон Китая об экспортном контроле, Китай не впервые издает законодательство в отношении экспортного контроля. Фактически, 1-м законом Китая, касающимся экспортного контроля, стал Закон о внешней торговле (вступивший в силу в 1994 г. и пересмотренный в 2004 г.), который разрешает правительству ограничивать экспорт в целях защиты национальной безопасности и общественной морали. Однако большое количество различных правил экспортного контроля устарели и слабо связаны между собой. Стремясь создать всеобъемлющую основу для экспортного контроля, Пекин приступил к разработке комплексного Закона об экспортном контроле, 1-й проект которого был опубликован в 2017 г., а окончательный текст принят Всекитайским собранием народных представителей в октябре 2020 г. (Huan, 2021).

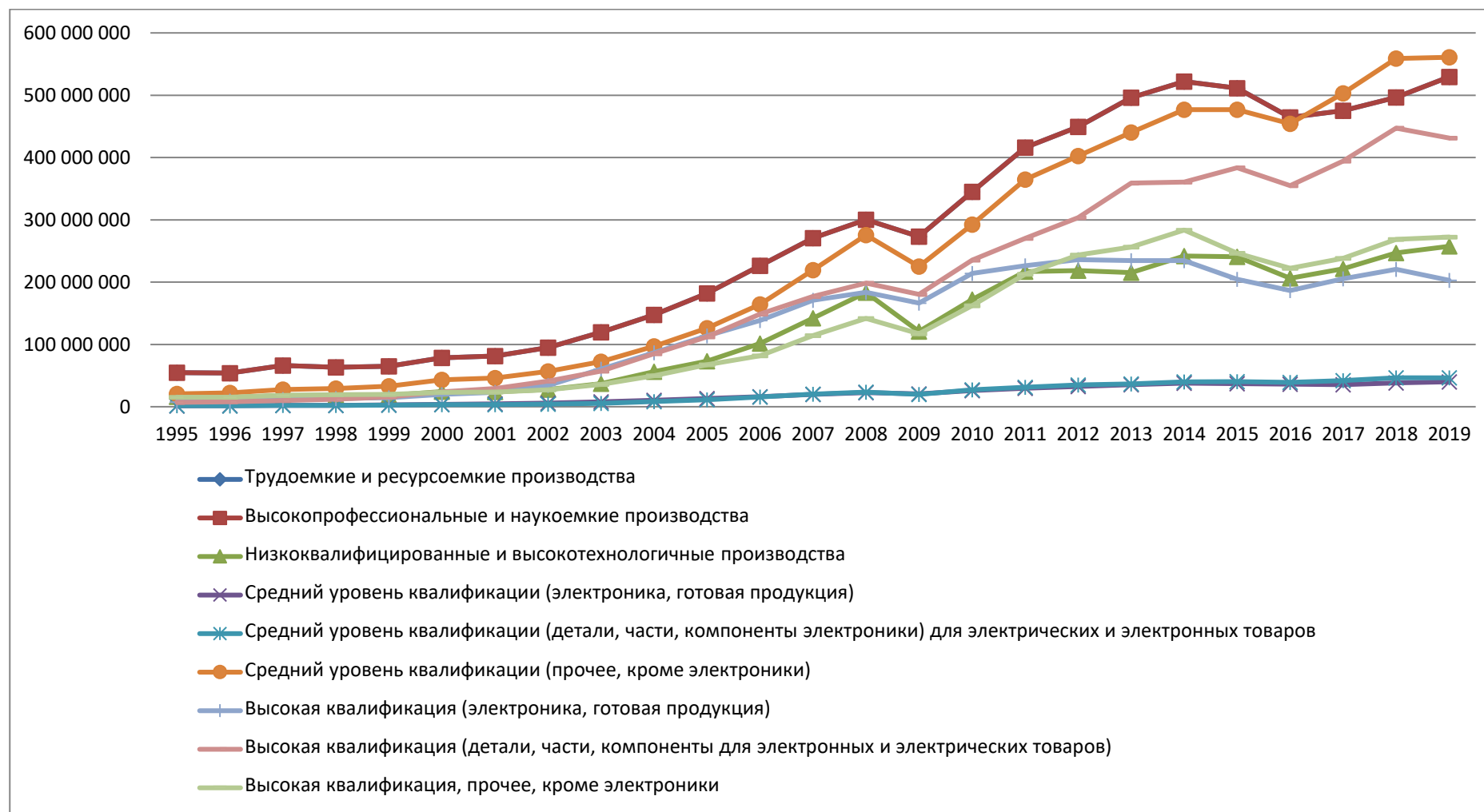

Рис. 2. Изменение структуры экспорта КНР в 1995–2019 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Изменились доли различной продукции в совокупном экспорте Китая. Это можно видеть на рис. 3 и 4.

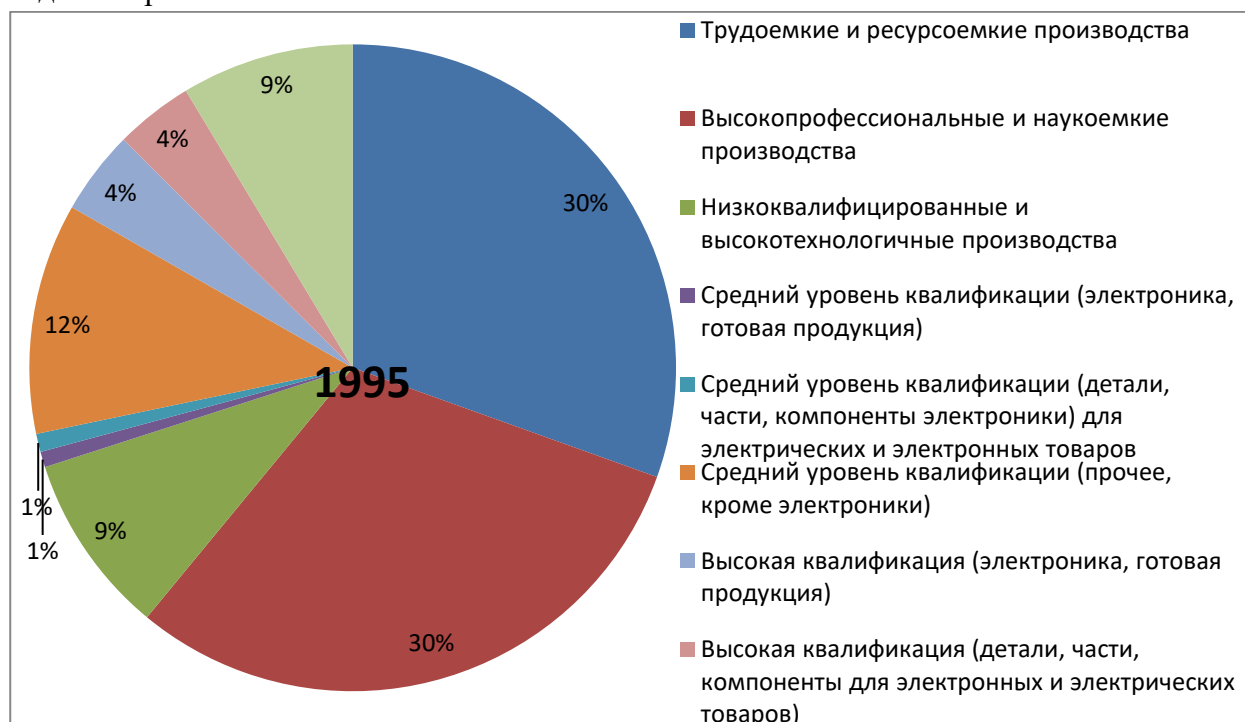

Рис. 3. Удельный вес различных сегментов продукции в экспорте Китая в 1995 г., %
Источник: рассчитано и составлено автором по данным UNCTAD.

Рис. 4. Удельный вес различных сегментов продукции в экспорте Китая в 2019 г., %
Источник: рассчитано и составлено автором по данным UNCTAD.

На рис. 3 видно, что в 1995 г. 60% совокупного экспорта Китая приходилось на трудоемкие и ресурсоемкие товары (текстильная промышленность, производство пряжи, одежды и аксессуаров, кожаная продукция, т. е. производство обуви, сумок и др., лесопереработка, производство бумаги и картона и др.) и на высокопрофессиональные и наукоемкие производства.

В течение многих лет электромеханические изделия были основными товарами импорта и экспорта, особенно импорт продукции электромеханических производств сыграл важную роль в ускорении темпов технического перевооружения предприятий в Китае и продвижении модернизации промышленной структуры.

На рис. 4 видно, что в 2019 г. основные товарные группы представлены более равномерно, соответственно товарный импорт Китая более сбалансирован.

Растет доля китайского экспорта в мировом показателе, как и география внешней торговли Китая. В 2020 г. она составила 14,7% (UNCTAD). Начиная с нового века, торговля Китая с развивающимися рынками и развивающимися странами продолжала расти быстрыми темпами. Например, в период с 2005 по 2010 гг. товарооборот Китая с АСЕАН увеличился с 9,2% до 9,8%, с другими странами БРИКС — с 4,9% до 6,9%, а с Латинской Америкой и Африкой — с 3,5% и 2,8% до 6,2% и 4,3% соответственно.

Развитие внешней торговли стало мощным стимулом для модернизации Китая, который превратился в открытую экономику, одну из крупнейших в мире. Участие в международном разделении труда и конкуренции, внедрение передовых технологий, оборудования и управления, использование прямых иностранных инвестиций значительно способствует технологическому прогрессу и модернизации промышленности в Китае, повышает уровень управления предприятием и конкурентоспособность на рынке (Соловьёва, 2014).

Стремительное развитие обрабатывающей промышленности позволило использовать сравнительные преимущества китайской рабочей силы и ускорить процесс индустриализации и урбанизации Китая. Внешняя торговля дает работу более чем 80 млн занятых, из которых более 60% проживает в сельской местности, а доходы и жизнь этих людей значительно улучшились. Наряду с внутренними инвестициями и потреблением, внешняя торговля стала 3-м из основных двигателей экономического роста Китая.

В 2020 г. в Китае насчитывалось 531 000 предприятий с рекордными показателями экспорта и импорта, что на 6,2% больше, чем в предыдущем году. Государственный сектор Китая зарегистрировал 14,98 трлн юаней импорта и экспорта, увеличившись на 11,1%, что составляет 46,6% от общего объема внешней торговли страны и на 3,9 процентных пункта выше, чем в предыдущем году. Частный сектор сыграл важную роль в стабилизации внешней торговли, еще более укрепив свою роль в качестве основных субъектов внешней торговли. Предприятия с иностранными инвестициями внесли 12,44 трлн юаней во внешнюю торговлю, что составляет 38,7% от общего объема внешней торговли страны (Review of China's Foreign Trade in 2020).

Историческое развитие внешней торговли Китая тесно связано с изменениями в международной и внутренней ситуации. По мере того, как экономическая глобализация продвигается вперед, движение и распределение средств, технологий, продуктов, рынков, ресурсов и рабочей силы по всему миру становится все более активным. Научно-технический прогресс, основанный на информации и коммуникациях, значительно повышает эффективность производства, а международная передача знаний и технологий продолжает

углубляться и развиваться. Экономическая глобализация, научно-технический прогресс, трансфер технологий и укрепление сотрудничества между странами открывают исторические возможности для интеграции Китая в мировую экономику. Китайское правительство в соответствии с требованиями времени, в качестве центра, осуществляет реформы и открытость, развивает экономическое и техническое сотрудничество со странами мира, активно и рационально использует иностранный капитал, свои преимущества, способствует углублению международной цепочки разделения труда и создает благоприятные условия для развития внешней торговли. В этом процессе иностранные компании, особенно развитые транснациональные корпорации, получают значительные инвестиционные возможности в Китае, имеют капитал, технологии, управленческий опыт и каналы продаж и другие элементы для достижения добавленной стоимости, делятся результатами быстрого экономического роста с КНР. Внешняя торговля Китая развивается благодаря реформам и открытости, благодаря глобализации экономики, благодаря приверженности взаимовыгодному сотрудничеству и беспроигрышному пути. Развитие Китая не может обойтись без мира, а процветание и стабильность в мире не могут обойтись без Китая.

В то же время Китай остается развивающейся страной. По сравнению с мировыми торговыми державами, китайская экспортная промышленность по-прежнему находится на нижнем конце глобальной цепочки поставок, стоимость ресурсов, энергии и других элементов затрат, как и экологические издержки, относительно высоки. С другой стороны, международная конкурентоспособность предприятий, устойчивость к риску некоторых отраслей относительно слаба.

Поэтому стране очень важно продолжать развитие инновационной составляющей национальной экономики и наращивать производство и экспорт современной высокотехнологичной продукции, обеспечивать себе стабильные рынки сбыта своих товаров, формировать новые правила глобальной торговой системы, существенно изменившейся в XXI в., в том числе и на основе реформирования внешнеторгового законодательства страны.

Заключение

Анализ и изучение тенденций развития внешней торговли Китая показывает, что в последние годы в этом сегменте КНР формируются новые тенденции под влиянием глобальных (внешних) факторов — глобальный кризис, рост конкуренции на мировых рынках, трансформация системы мировой торговли в целом, включая и изменение позиций и политики стран мира, особенно занимающих ведущее положение на мировых рынках, изменение структуры мировой торговли (как географической, так и товарной). В последнем десятилетии ведущие государства мира, особенно США и страны ЕС, стали все шире применять санкции и оружие «торговых войн» против многих стран мира, в том числе и против Китая, что требует переосмысления торговой политики КНР.

Внутренние факторы также оказали существенное влияние на внешнюю торговлю КНР. К ним мы относим количественный рост производства в Китае и улучшение качества производимой продукции, реализацию Китаем инициативы «Один пояс, один путь», улучшение законодательного обеспечения внешнеторговых интересов страны и др. Все эти и другие факторы, несмотря на свои разнонаправленные векторы, дали возможность КНР

нарастить как отечественную товарную торговлю, так и защиту национального производителя на отечественном и мировых рынках.

Список литературы

1. Внешняя торговля Китая (2020) : пресс-служба Государственного совета [China's Foreign Trade (2020): press service of the State Council] URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/1060091/1060091_1.htm (на китайском языке).
2. Евсеев В. В. (2019) Торговая и технологическая война США и Китая // Геоэкономика энергетики. Т. 7. № 3. С. 110–130. [Evseev V. V. (2019) The US-China Trade and Technology War // Geoeconomics of energy. Vol. 7. No. 3. P. 110–130. (In Russian).]
3. Соловьёва Ю. В. (2014) Трансфер технологий в инновационной экономике: сущность, формы и методы // Инновационная экономика. № 4 (1). С. 7. [Solovyeva Yu. V. (2014) Technology transfer in the innovative economy: essence, forms and methods // Innovative Economics. No. 4 (1). P. 7. (In Russian).]
4. Супян В. Б. (2019) Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. № 9. С. 23–32. [Supyan V. B. (2019) US-Chinese trade and economic relations: the causes of the crisis and its prospects // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 9. P. 23–32. (In Russian).]
5. Хэ М., Шкваря Л. В., Ван С. (2020) Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 11–16. [He M., Shkvarya L. V., Wang S. (2020) China: socio-economic development and foreign trade // Asia and Africa today. No. 11. P. 11–16.
6. Хэ М. В. (2013) Расширение сферы влияния ВТО в условиях глобализации и процедура присоединения КНР к ВТО / В сборнике: Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: РУДН. С. 257–268. [He M. V. (2013) Expanding the WTO's sphere of influence in the context of globalization and the procedure for China's accession to the WTO / In the collection: World Economy and international economic relations. Moscow: RUDN. P. 257–268. (In Russian).]
7. Яо Ц. (2019) Взаимосвязь ПИИ и развития внешней торговли / В сборнике: Международные отношения: история, теория, практика. Материалы IX научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений БГУ. Минск. С. 164–166. [Yao Ts. (2019) The relationship between FDI and foreign trade development / In the collection: International relations: history, theory, practice. Materials of the IX scientific and practical conference of young scientists of the Faculty of International Relations of BSU. Minsk. P. 164–166. (In Russian).]
8. Huan Z. (2021) Navigating China's New Export Control Law. URL: <https://www.tradeexperettes.org/blog/articles/navigating-chinas-new-export-control-law>
9. Review of China's Foreign Trade in 2020. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/436edfa3-b30d-45cd-8260-7d5baf34a5a8.html>
10. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

China's foreign trade: development trends, the role for the national economy and the transformation of regulation

Mingjun He

*PhD (Economics), Senior lecturer, Faculty of Law, Kunming Polytechnic University.
Chengdong district, Qingming nanlu str., 727.
Kunming, China.*

The article analyzes the objective trends in the development of China's foreign trade from the point of view of the role for the national economy and modern state regulation. Based on the conducted comprehensive statistical analysis, the author substantiates the point of view that China's foreign trade, which has been actively and progressively developing for a number of decades, remains, however, under the strict influence of external and internal factors that have a significant impact on it. According to the author, the state should implement timely regulation of legislative norms in the field of foreign trade, which will ensure the protection of the national producer on national and world markets, allow the country to increase its own advantages, reduce the negative impact of global threats that have significantly increased in recent years. The author's stage-setting of the development of China's foreign trade in 1980–2020 is also proposed.

Keywords: *China, foreign trade, world economy, structural transformation of trade, global instability.*

JEL codes: *F42, F43.*

Международный опыт создания и функционирования агропромышленных парков

Гаврилова Нина Германовна¹

Конец XIX в. ознаменовался появлением принципиально новых промышленных объединений — индустриальных парков. Агропромышленный парк можно определить как частный случай индустриального парка, который отличается отраслевой направленностью: приоритет в его деятельности отдается производству, переработке и реализации именно сельскохозяйственной (растениеводческой и животноводческой) продукции. В статье рассматриваются взгляды современных экономистов на агропромышленные парки; объясняются цели создания этих агроформирований, подчеркиваются их преимущества, выделяются слабые места и недостатки. Делается вывод, что АПП призваны помочь странам в экономической трансформации аграрных регионов, оказать поддержку мелким фермерам, обеспечить рациональное использование сельскохозяйственных земель, усилить продовольственную безопасность стран и укрепить партнерство между государственным и частным секторами экономики. Подчеркивается особая роль АПП в сокращении объемов потерь выращиваемой и перерабатываемой продукции, снижении процента отходов. Обсуждается мировой опыт функционирования этих агропромышленных объединений на примере Мексики, Дании, России, ЮАР.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, агропромышленный парк, современные формы кооперации.

JEL коды: Q13, Q17, Q19.

Введение

Сельское хозяйство как отрасль, несмотря на сокращение его доли в создании валового внутреннего продукта до минимума практически во всех, особенно в развитых, государствах мира, продолжает играть немаловажную роль в обеспечении населения продуктами питания (Коваленко, 2019). В большинстве развивающихся стран, где еще не решены вопросы продовольственной безопасности и независимости, развитие аграрной сферы было и остается актуальной проблемой. В некоторых из них, особенно расположенных на африканском континенте, многие продукты питания не только экономически, но и физически недоступны значительной части жителей (Зарецкая, 2013). Поэтому увеличение объемов выращивания продукции растительного и животного происхождения необходимо для полноценного количественного и качественного наполнения национальных рынков, которые, как известно, насыщаются из 2-х основных источников: собственного производства и импорта (Леснов, 2005). Однако, развитым державам выгоднее экспортировать свою продукцию в развивающиеся страны, чем способствовать процветанию их собственного сельского хозяйства. Что касается

¹ Гаврилова Нина Германовна — младший научный сотрудник, Институт Африки РАН. Москва, Россия.

доступа на свои рынки, то здесь развитые государства используют широкий спектр мер нетарифного регулирования, преодолеть которые могут далеко не все хозяйствующие субъекты аграрной сферы развивающихся стран (Frolova, 2021). Исключение составляют сырьевые товары (листовой чай, необработанные какао-бобы, зерновой кофе и т. д.), а также те виды плодоовощной продукции, которые на территории развитых государств не выращиваются или производятся в недостаточном объеме (Удалова, Мухаметзянов, 2015).

Как показывает практика, в ряде стран в агропродовольственной сфере занимает довольно серьезное место кооперативный сектор экономики. Как правило, фермеры объединяются на этапах переработки, хранения и сбыта продукции, а также для упрощения процессов кредитования и страхования (Агирбов, Мухаметзянов, 2005). «Важнейшим процессом в современном сельском хозяйстве практически во всех странах стала межхозяйственная кооперация, характеризующая многие существующие в настоящее время формы и виды объединений в аграрном секторе экономики... Теория кооперации способствовала возникновению и развитию современных форм ведения аграрного производства: агроинкубаторов, агропромышленных парков, агрокоридоров, аграрных экономических зон, агропромышленных кластеров...» (Гаврилова, 2019 а).

Развитие промышленных объединений, традиционно называемых индустриальными парками (ИП), началось еще в XIX в. — в 1896 г. Первый ИП — *Trafford Park Estates Ltd.* — был основан в Манчестере (Великобритания) британским финансистом Э. Т. Хооли. Со временем *Trafford Park* стал крупным промышленным центром, где эффективно развивались автомобилестроение, электротехника, сталелитейное производство и др. (Щетинина, Кузнецов, 2017).

В настоящее время мировыми лидерами по количеству индустриальных парков являются США и Китай (там по 400 парков), Турция (260), Германия и Вьетнам (по 200). ИП существуют и во многих других странах (Гаврилова, 2019).

Агропромышленный парк — это, в каком-то смысле, частный случай индустриального парка, они отличаются лишь отраслевой направленностью: приоритет в деятельности АПП, в отличие от ИП, отдается производству, переработке, хранению и реализации именно сельскохозяйственной продукции.

Обзор научной литературы

Изучению агропромышленных парков (АПП) уделяли внимание многие современные экономисты. Одни определяли АПП как «сочетание агро- и неагрофункций в одном месте или вокруг него» (Smeets, 2011), подчеркивая, что агропарки имеют множество преимуществ перед другими аграрными производственными объединениями. Среди этих преимуществ — эффективное использование отходов, пространства и логистики, внедрение инноваций (отчасти благодаря концентрации в АПП производителей, занимающихся различными видами деятельности) и, самое главное, — прозрачная цепочка движения товара, обеспечивающая высокое качество конечной продукции и ее соответствие международным требованиям и отраслевым стандартам.

В 2006 г. К. Л. Рао, экономист в составе группы экспертов Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, проанализировал индийский опыт создания и развития агропромышленных парков. Он описывал АПП так: «Агропромышленный парк

сосредотачивается на обработке сельскохозяйственной продукции (а присутствие несельскохозяйственных отраслей может быть низким или несущественным)» (Rao, 2016).

В 2017 г. *FAO*¹ выпустила обзор территориальных инструментов развития агропромышленного комплекса. В главе, посвященной АПП, дано следующее определение: «Агропромышленные парки, также называемые агропроизводственными или сельскохозяйственными продовольственными парками, предоставляют общие удобства и услуги (например, транспорт, хранение и упаковку) и специально созданы для обработки сельскохозяйственной продукции» (Murphy, Nogales, 2017. Р. 125).

Российские эксперты определяют АПП как «управляемый единым оператором (управляющей компанией) территориально обособленный комплекс объектов недвижимости с инфраструктурой, позволяющий компактно размещать производства и предоставлять условия для эффективного осуществления агропромышленной деятельности» (Murphy, Nogales, 2017; Постановление администрации Алтайского района от 14.06.2013).

В исследованиях, касающихся возможности развития агроформирований в Демократической Республике Конго, дано следующее определение АПП: «Особая экономическая зона для развития сельского хозяйства площадью от 10 тыс. до 100 тыс. гектаров, обеспечивающая базовую инфраструктуру (электричество, подъездные пути, ирригацию и др.) и услуги по поддержке развития переработки сельскохозяйственной продукции (животноводство, растениеводство и рыболовство), а также услуги, способствующие получению доступа к рынкам и материалам (оборудованию и сельскохозяйственной технике, удобрениям), проведению исследований в области сельского хозяйства, развитию других основных социальных услуг — здравоохранения, образования и т. д.» (Гаврилова, 2019 б).

Результаты исследования

Массовое использование АПП как инструмента увеличения добавленной стоимости в сельском хозяйстве и роста конкурентоспособности сельхозпроизводителей началось сравнительно недавно: первые индустриальные парки с агропромышленным уклоном появились в Индии в конце 1980-х гг. В городе Какканчери был построен агропарк, включающий в себя внутренние дороги, отдельные источники энергоснабжения и налаженное водоснабжение, офисы, банк, почту, склады, выставочный центр, жилые помещения для работников. Особое внимание было уделено механизации процесса переработки продукции — от сортировки до упаковки (Rao, 2016). Создавая этот парк, индийские власти стремились не только к получению добавленной стоимости за счет переработки продукции на месте производства, но и к экономическому развитию отсталых районов, созданию инфраструктуры и росту занятости населения. Все поставленные цели со временем были достигнуты, парк эффективно развивался и до сих пор функционирует.

¹ Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) является специализированным учреждением из Организации Объединенных Наций, который ведет международные усилия по борьбе с голодом и улучшением питания и продовольственной безопасности. Его латинский девиз, *fiat panis*, переводится как «да будет хлеб».

Одним из наиболее успешных в мире считается АПП в мексиканском городе Ахучитлан-дель-Прогресо, созданный в 2006 г. на площади в 823 га. Деятельность этого парка опирается на исследования, осуществляемые профильными научно-образовательными учреждениями. Все начиналось с высокотехнологических теплиц для выращивания цветов и овощей, а также оборудования для их переработки. Практически вся продукция парка сегодня идет на экспорт: АПП привлекает внутренние и иностранные инвестиции, что позволяет использовать при выращивании экзотических культур самые современные технологии. Теплицы оснащены ирригационным оборудованием, системами очистки и циркуляции воды, отоплением и климат-контролем. Структура агропарка также включает в себя хранилища для свежей и замороженной продукции, линии переработки томатов и болгарского перца, склады для сопутствующих товаров (удобрений, пестицидов, мелкого инвентаря и др.) (Гаврилова, 2019 б).

Интересный пример АПП — датский *Agro Food Park* в г. Орхус, основанный в 2009 г. Этот парк — ведущий в Дании центр инноваций в области пищевой промышленности. «Продукты будущего» создаются здесь в тесном сотрудничестве между промышленными компаниями и научно-исследовательскими и образовательными учреждениями. На территории парка выделены экспериментальные поля и проводятся опыты, нацеленные на повышение урожайности (Aarhus Agro Food Park).

Заслуживает внимания и российский опыт, например, созданный в 2013 г. многофункциональный технологический комплекс «Казань». Он занимается поддержкой мелких и средних производителей сельхозпродукции. Парк поддерживает систему поставок «от фермера потребителю», исключая из цепочки посредников и помогая фермерам сохранять стабильное финансовое положение. В огромном главном корпусе площадью более 50 тыс. кв. м размещены цеха переработки сельхозпродукции, склады с морозильными камерами, офисные помещения и торговый зал. «Казань» уникальна тем, что имеет в своем распоряжении гостиницу, кафе, автостоянку и другие инфраструктурные объекты, привлекающие агротуристов. Однако парк не сотрудничает с учебными заведениями и не имеет собственных площадей для выращивания продукции (она подвозится к месту переработки производителями) (Гаврилова, 2018).

Ведущая роль в создании и развитии системы агропарков в Африке принадлежит ЮАР. Функционирование АПП в Республике основано на взаимосвязи 3-х основных компонентов. Первый из них — группа поддержки фермерского производства (*FPSU*), осуществляющая функции посредника между фермерами и рынками сбыта их продукции. Также она занимается сбором, хранением и обработкой информации, касающейся местного производства и локальных рынков. Второй компонент — *Agri-hub (АН)*, осуществляющий внедрение инноваций, прокат (аренду, лизинг) оборудования, производство сельхозпродукции, переработку и упаковку товаров, логистические услуги и обучение. И третий — Городской рыночный центр, обеспечивающий контракты производителей с сельскими, городскими и международными рынками, предоставляющий маркетинговые услуги и внедряющий новейшие информационные и коммуникационные технологии в работу всех компонентов АПП.

Стратегические цели агропарков в ЮАР, как и в других странах, включают экономическую трансформацию сельских регионов, поддержку мелких фермеров, обеспечение рационального использования сельскохозяйственных угодий, усиление

продовольственной безопасности страны, а также укрепление партнерства между государственным и частным секторами экономики.

Анализируя существующие АПП, их можно классифицировать в зависимости от размера (таб. 1). В небольших по площади странах размеры агропарков также невелики (до 100 га). Такие АПП ориентированы преимущественно на переработку и временное хранение сельхозпродукции. В крупных странах территории АПП могут достигать десятков тысяч га, там комфортно размещается и производство, и перерабатывающие предприятия, и склады с современным упаковочным, холодильным и прочим оборудованием.

Таблица 1

Размеры некоторых мировых агропарков

Группа	Площадь, га	Название	Страна
Малые (до 130 га)	29,1	Techno Industrial Park в Керале	Индия
	42,0	Cocochem Agro-Industrial Park	Филиппины
	42,0	Agro Technology Park in MARDI	Малайзия
	46,0	Reims bioeconomy park	Франция
	61,5	Jericho Agro Industrial Park	Палестина
	100,0	Aarhus Agro Food Park	Дания
Средние (от 130 до 1000 га)	185,0	Siberië	Нидерланды
	224,1	Californië	Нидерланды
	240,0	ŞƏMKİR AGROPARK	Азербайджан
	300,0	АПП «Ставрополье»	Россия
	434,0	Absheron Agro Park	Азербайджан
	650,0	The Northern Adelaide Food Park	Австралия
	823,0	Agropark	США
Крупные (свыше 1000 га)	1011,7	Ebony Park	Ямайка
	1300,0	Hawassa Industrial Park	Эфиопия
	1500,0	Агропромышленный парк «Сибирь»	Россия
	1900,0	Chandmani Agropark	Монголия
	3237,5	Amity Hall Agro Park	Ямайка
	116500,0	Ukrprominvest-Ahro	Украина

Источник: Леснов, 2005.

При выборе территории под АПП чрезвычайно важна возможность ее расширения для привлечения новых направлений бизнеса или увеличения площадей под сельскохозяйственные культуры и пастбищные угодья. Также оцениваются трудоемкость производственных процессов и перспективы создания новых рабочих мест, удаленность от территории парка населенных пунктов.

Многие из агропарков создаются ради развития экономически отсталых районов, где большая часть населения занята в земледелии и животноводстве. Соответственно, планирование строительства начинается с проектирования телекоммуникаций, объектов электро- и водоснабжения, базовой логистической инфраструктуры — автомобильных и железных дорог, портов и т. п.

Важную роль в успешности АПП играет применение новых технологий для внедрения инноваций в процессы производства и переработки продукции. Необходимое

условие для этого — повышение уровня образования наемных работников. А для него необходимо формирование учебной и научно-исследовательской базы.

Для выхода на региональные и внешние рынки агропаркам важно придерживаться стандартов как производства, так и качества выпускаемой продукции. Большое внимание при этом уделяется безотходному производству.

АПП создаются с целью переработки сельскохозяйственной продукции с минимальным объемом отходов за счет концентрации перерабатывающих и складских мощностей на компактной территории. При проектировании агропарка продумывается множество производственных цепочек, в том числе и для того, чтобы нашла применение максимальная доля отходов.

Эксперты ФАО выявили 5 эффективных способов сокращения потерь на производящих и перерабатывающих предприятиях.

- Планирование объемов производства и выравнивание среднегодовых цен на продовольствие помогают координировать осуществление поставок на рынок.

- Выявление и координация финансового положения фермеров закупочными организациями позволяют оптимизировать предоставление финансовых услуг во избежание преждевременной уборки урожая.

- Планирование производства, сортировка, оценка и обеспечение логистикой наряду с другими вспомогательными мероприятиями дают возможность упорядочить взаимодействие производителей с переработчиками и покупателями на всех этапах.

- Соблюдение современных технологий и использование актуальных пищевых стандартов оптимизируют расход первичного продукта при переработке.

- Увеличение и модернизация складских мощностей облегчат организацию хранения как свежих, так и замороженных продуктов.

Все существующие АПП обязательно развивают на своей территории широкий спектр услуг, сопутствующих основному производству. Специфика перерабатываемого в АПП сырья и производимого товара нередко требует наличия опытных полей, лабораторий, а также структур, связанных с разработкой новых товаров и их сертификацией. Кроме того, они осуществляют бухгалтерский учет, анализ внутреннего и внешнего рынков сбыта, расчет логистических связей, предоставляют юридические консультации и иные консалтинговые услуги.

В последние десятилетия в рамках туристической отрасли экономики многих стран быстрыми темпами развивается такое направление, как агротуризм: посещение сельскохозяйственных регионов для отдыха и в образовательных целях. Существующие и вновь создаваемые АПП стараются включать в свой состав гостиницы, зоны культурного отдыха (рестораны, кинотеатры, спортивные сооружения и др.) и традиционные объекты городской инфраструктуры — почтовые отделения, интернет-кафе, медицинские центры, парковки и т. п.

Заключение

Итак, мировой опыт наглядно демонстрирует, что агропромышленный парк (АПП) — это комплекс, который аккумулирует на компактной территории взаимосвязанные производства: выращивание определенных земледельческих или садовых культур и/или скота и птицы, переработку полученного урожая (включая этапы сортировки, калибровки,

доведения до конечного продукта, упаковки), хранение и реализацию готовой продукции. Также он создает и задействует объекты сопутствующей инфраструктуры: гостиницы, места общественного питания, образовательные учреждения, центры развлечений, автомобильные стоянки и т. д. Таким образом, парк обеспечивает эффективность всей производственной цепочки, создавая условия для продажи полученного товара на местном рынке, его транспортировки в другие регионы и на экспорт.

Определяя роль агропромышленных парков, не связанную с социальными аспектами развития общества, можно сказать, что она заключается в комплексном интегрированном подходе к эффективности производства и использования продукции сельского хозяйства.

Подводя итог, дадим определение АПП. Агропромышленный парк — это современное формирование, создаваемое с учетом интересов государственного и частного секторов экономики, способствующее интенсификации производства и расширению горизонтальной и вертикальной интеграции производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Целями создания АПП выступают обеспечение продовольственной безопасности и повышение экономической и социальной роли аграрного сектора в экономике.

Список литературы

1. Агирбов Ю. И. Мухаметзянов Р. Р. (2005) Сельскохозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция. Москва. 186 с. [Agirbov Yu. I. Mukhametzhanov R. R. (2005) Agricultural cooperation and agro-industrial integration. Moscow. 186 p. (In Russian).]
2. Гаврилова Н. Г. (2019 а) Кооперация как основа образования современных форм ведения сельскохозяйственного производства в Африке // Московский экономический журнал. № 11. С. 93. [Gavrilova N. G. (2019 a) Cooperation as the basis for the formation of modern forms of agricultural production in Africa // Moscow Economic Journal. No. 11. P. 93. (In Russian).]
3. Гаврилова Н. Г. (2019 б) Агропромышленные парки как перспективная форма модернизации сельскохозяйственного производства в Африке / Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции. М.: Институт Африки РАН. С 40–77. [Gavrilova N. G. (2019 b) Agro-industrial parks as a promising form of modernization of agricultural production in Africa / The economy of Africa in the era of the global technological revolution. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. P. 40–77. (In Russian).]
4. Гаврилова Н. Г. (2018) Агропромышленный парк как основа развития экономики отсталых сельских районов / В сборнике «Тенденции развития и актуальные проблемы оценки, управления и нормативно-правового обеспечения финансовой системы России». М.: Курск, ООО «Учитель». С. 11–17. [Gavrilova N. G. (2018) Agro-industrial park as a basis for the development of the economy of backward rural areas / In the collection "Development trends and actual problems of assessment, management and regulatory support of the financial system of Russia". Moscow: Kursk, LLC "Teacher". P. 11–17. (In Russian).]
5. Зарецкая А. С. (2013) Физическая доступность продовольствия как одно из основных условий обеспечения продовольственной безопасности региона / В сборнике: Актуальные проблемы гуманитарных, социальных и экономических наук: вопросы теории и практики. Новгородский государственный университет. С. 197–200. [Zaretskaya A. S. (2013) Physical availability of food as one of the main conditions for ensuring food security in the region /

In the collection: Actual problems of the humanities, social and economic sciences: questions of theory and practice. Novgorod State University. P. 197–200. (In Russian).]

6. Коваленко Н. Я. (2019) Экономика сельского хозяйства: учебник для среднего профессионального образования. М.: Издательство Юрайт. 406 с. [Kovalenko N. Ya. (2019) Agricultural economics: textbook for secondary vocational education. Moscow: Yurayt Publishing House. 406 p. (In Russian).]

7. Леснов А. П. (2005) Сельскохозяйственные рынки ЕС и России: теоретические и практические аспекты (на примере плодоовощной продукции). Монография. Москва. 243 с. [Lesnov A. P. (2005) Agricultural markets of the EU and Russia: theoretical and practical aspects (on the example of fruit and vegetable products). Monograph. Moscow. 243 p. (In Russian).]

8. Постановление администрации Алтайского района от 14.06.2013 № 310 «О создании агропромышленного парка «Алтайский» на территории муниципального образования Алтайский район». [Resolution of the administration of the Altai District No. 310 dated 14.06.2013 "On the creation of the Altai Agro-industrial Park on the territory of the Altai District municipality". (In Russian).]

9. Удалова З. В., Мухаметзянов Р. Р. (2015) Мировое производство и рынок плодоовощной продукции // Вестник российской таможенной академии. № 1. С. 27–36. [Udalova Z. V., Mukhametzyanov R. R. (2015) World production and the market of fruit and vegetable products // Bulletin of the Russian Customs Academy. No. 1. P. 27–36. (In Russian).]

10. Щетинина Т. С., Кузнецов А. Н. (2017) Международный опыт развития промышленных парков // Экономика и менеджмент инновационных технологий. № 5. [Shchetinina T. S., Kuznetsov A. N. (2017) International experience in the development of industrial parks // Economics and management of innovative technologies. No. 5. (In Russian).] URL: <http://ekonomika.snauka.ru>

11. Aarhus Agro Food Park. URL: <http://agropark.com>

12. Frolova E. Yu. (2021) Contradictions to regulatory measures and their impact on global and national agricultural markets / Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR). Proceedings of International Scientific and Practical Conference «Russia 2020 — a new reality: economy and society». P. 276–280.

13. Murphy K., Nogales E. G. (2017) Agricultural growth corridors. Territorial tools for agro-industry development / FAO (Food and agriculture organization of the United Nations). Rome.

14. Rao K. L. (2016) Agro-industrial parks Experience from India. Food and agriculture organization of the United Nations. Rome. P. 14.

15. Smeets P. J. A. M. (2011) Expedition agroparks: Research by design into sustainable development and agriculture in the network society // Springer Science & Business Media. P. 145.

International experience in the creation and operation of agro-industrial parks

Gavrilova Nina Germanovna

*Junior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russia*

The end of the 19th century was marked by the emergence of fundamentally new industrial associations — industrial parks. An agro-industrial park (AIP) can be defined as a special case of an industrial park, which is distinguished by a sectoral focus: the priority in its activities is given to the production, processing and sale of agricultural (crop and livestock) goods. The present paper examines the views of modern economists on agro-industrial parks, explains the goals of creating these agro-formations and highlights advantages, weaknesses and disadvantages. It concludes that AIPs are designed to facilitate economic transformation of agricultural regions, to support small farmers, to ensure the rational use of agricultural land, to enhance the food security of countries, and to strengthen partnerships between the public and private sectors of the economy. The present author emphasizes the special role of AIPs in reducing the volume of losses of grown and processed products and diminishing the percentage of waste. The world experience of operating these agro-industrial associations is discussed on the examples of Mexico, Denmark, Russia, and South Africa.

Keywords: *agriculture, agro-industrial park, modern forms of cooperation.*

JEL codes: *Q13, Q17, Q19.*

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ / INNOVATIONS AND TECHNOLOGIES

Высокотехнологичные отрасли в мировой экономике: современные тенденции**Хасбулатов Руслан Имранович,¹****Бяшарова Адиля Рашидовна²**

В статье представлены особенности высокотехнологичного развития макрорегионов и стран мира на современном этапе. Актуальность темы исследования предопределяется необходимостью в XXI в. для стран и регионов мира осуществлять высокотехнологичное развитие, диверсифицировать национальную экономику и экспорт, а также свою специализацию в системе международного разделения труда, так как одной из особенностей остается неравномерность высокотехнологичного развития в мире в региональном и отраслевом аспектах, и, по мнению авторов, такое положение сохранится, как минимум, в среднесрочной перспективе. Авторами показана также роль высокотехнологичных отраслей в системе мирового хозяйства в целом.

Ключевые слова: *мировая экономика, высокотехнологичное производство, технологии, несбалансированность высокотехнологичного развития, научно-технические возможности, экспорт высокотехнологичных товаров.*

JEL коды: F02, O32.

Введение

Глобализация мировой экономики в настоящее время осуществляется во многом как глобализация технико-технологическая, инновационная, высокотехнологичная. Трансформация архитектуры мирового хозяйства, научно-технический прогресс и дальнейшее развитие цифровой экономики ставят перед странами мира и макрорегионами совершенно конкретные задачи трансформации национальных экономических систем в направлении создания/развития высокотехнологичных производств, которые обеспечивали бы не только рост ВВП и других макроэкономических показателей, но и уровня жизни, так как именно эти отрасли могли бы обеспечить население высокооплачиваемыми и престижными рабочими местами, экономике — более высокую конкурентоспособность и более устойчивое развитие.

¹ *Хасбулатов Руслан Имранович* — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член-корреспондент РАН. Москва, Россия.

² *Бяшарова Адиля Рашидовна* — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Сегодня во многих странах мира существует понимание важности активизации инновационных процессов во всех сферах национального хозяйства, а возможность развития инновационного предпринимательства предопределяется их значительными финансовыми ресурсами, аккумулированными как в государственном, так и в частном секторе, и ростом финансирования НИОКР. Вместе с тем, поиск механизмов обеспечения инновационного и высокотехнологического развития национального хозяйства и вывода стран региона в группу стран с конкурентоспособной на мировом уровне экономикой до сих пор остается актуальным вопросом для ученых, политиков, практиков. Исследование также актуализируется в направлении необходимости сформировать концептуальные основы и соответствующую стратегию развития высокотехнологичных производств (создания новых отраслей промышленности) в относительно небольших экономиках, или в экономиках, развитие которых основывается главным образом на факторе производства «земля».

В современной научной литературе стоит отметить вклад российских и зарубежных исследователей в разработку проблем инновационного и высокотехнологичного развития как мировой экономики в целом (Белова, 2018; Меланьина, 2019; Шкваря, Родин, 2020), так и различных стран и макрорегионов мира (Главина, Асмятуллин, 2018; Русакович, 2017; Elmasry et al., 2016). Отмечен в течение последних лет рост интереса среди исследователей к вопросам роли высоких технологий в развитии и повышении эффективности отдельных отраслей (Waheed et al., 2020).

Таким образом, необходимость обеспечения устойчивого инновационного развития подтверждает как высокий уровень актуальности этой проблемы, так и отсутствие единых подходов к ее решению.

Методология

По мнению авторов данной работы, экономическая наука призвана ориентироваться на практику — как с точки зрения получения эмпирических данных для анализа, так и с позиции практической значимости научных экономических исследований. Поэтому в данной статье мы используем эмпирический подход для анализа сложившихся в мире тенденций в сфере развития высокотехнологичной индустрии (включая региональный аспект) как сложной и противоречивой экономической реальности.

В статье используется также позитивный подход. Данный подход позволяет представить достижения последних лет в исследуемой области и обобщить результаты современной теории и практики. Также был проведен контент-анализ научных исследований, который позволил выявить основополагающие направления современного развития высокотехнологичных отраслей в мире и в отдельных его макрорегионах и концептуализировать экономическую реальность.

Из проведенного анализа следует, что высокотехнологичная индустрия мира в своей эволюции заметно трансформирует систему мировой экономики и международного разделения труда, хотя и находится под влиянием глобальных экономических и политических процессов. Влияние это весьма заметно. Оно оказывается, в том числе, ведущими странами, осуществляющими высокотехнологичное производство.

Результаты исследования

Как показывает мировой опыт и практика, роль высокотехнологичных отраслей в мировой экономике неуклонно растет (табл. 1).

Таблица 1.

Глобальные отрасли высокотехнологичной промышленности по объему производства и доле мирового ВВП в 2018 г. (млрд долл. и %)

Промышленность	Добавленная стоимость (млрд долл.)	Доля в мировом ВВП
Все отрасли высокотехнологичной промышленности	9020,7	11,1
<i>Высокоинтенсивные отрасли, в т.ч.</i>	3241,8	4,0
Авиационная	243,1	0,3
Компьютерная, электронная и оптическая продукция	1185,9	1,5
Фармацевтические препараты	698,7	0,9
Научно-исследовательские услуги	652,5	0,8
Издательская деятельность (включая программное обеспечение)	461,6	0,5
<i>Средне-высоко интенсивные отрасли</i>	5778,9	7,1
Химические вещества за исключением фармацевтической продукции	1,026.5	1,3
Производство электрооборудования	655,7	0,7
ИТ-услуги	1621,8	2,0
Прочие машины и оборудование	1195,2	1,5
Автомобили	1109,7	1,4
Железные дороги и военная техника	119,9	0,1
Оружие	50,1	0,1

ВВП = валовой внутренний продукт; ИТ = информационные технологии; КТИ = наукоемкие технологии.

Примечание: По классификации ОЭСР. Мировой итог не включает все страны и экономики из-за ограничений в доступности данных

Источник: National Science Board, 2020.

Как видно из анализа представленных данных, на 2018 г. (более поздние достоверные данные на момент написания работы отсутствуют) порядка 11% глобального ВВП производится в высокотехнологичных отраслях мировой экономики. Однако имеющиеся статистические данные говорят о несбалансированности удельного веса различных отраслей высокотехнологичной промышленности в мировом валовом продукте. Эта несбалансированность также имеет и географическую составляющую.

Как и по другим научно-техническим направлениям, каждый макрорегион мира специализируется на несколько разных видах высокотехнологичной деятельности. США, например, имеют преимущества в создании самолетов и космических аппаратов, а также приборов измерения и управления. Высокотехнологичное производство летательных и космических аппаратов включает в себя цепочку производства и поставок других высокотехнологичных материалов — навигационных приборов, вычислительной техники и оборудования связи, многие из которых по-прежнему предоставляются американскими поставщиками. Также США специализируются на производстве ИТ-услуг и программного обеспечения (табл. 1), и большая доля этого обеспечения, применяемого в мире, имеет американское происхождение.

ЕС также имеет относительные преимущества в этих 2-х областях: авиация / космические аппараты и измерительные и контрольные приборы. Кроме того, Европейский союз традиционно специализируется на производстве машин и транспортного оборудования (табл. 2). Следует отметить, что большая часть технологий этой группы поддерживается государством с помощью протекционистских мер (ядерная, авиационная, космическая промышленность и др.).

Китай остается крупнейшим производителем подсектора высокотехнологичного производства, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с 34% глобальной долей. Несмотря на быстрый прогресс Китая, высокотехнологичное производство в стране по-прежнему в значительной степени предопределяется более низкой добавленной стоимостью, такой как окончательная сборка. Например, Китайская Народная Республика все еще в значительной степени зависит от полупроводников, поставляемых иностранными фирмами для большинства своих производителей смартфонов, других электронных продуктов (PricewaterhouseCoopers, 2014).

В фармацевтическом секторе Китай остается 3-м по величине мировым производителем фармацевтических препаратов. Объем производства китайских фирм в основном состоит из непатентованных лекарственных средств. Одновременно в отрасли имеются производственные мощности, контролируемые многонациональными корпорациями США и ЕС (МНК) (Huang, 2015).

Однако ожидается, что китайская промышленность перейдет к новым и сложным технологиям, поскольку компании продолжают инвестировать в НИОКР, в том числе — в рамках расширения сотрудничества с мировыми научными кругами (Donofrio, Whitefoot, 2015). Последние события показывают, что быстрые инвестиции Китая в создание своих научно-технических возможностей, вероятно, уже обеспечили стране путь к производству передовых продуктов. Например, Китай добился впечатляющих успехов в производстве суперкомпьютеров, где его присутствие едва определялось около 10-ти лет назад, но где он сейчас занимает видное место среди топ-10 производителей.

В отличие от этого, ЕС и США, 2 крупнейших мировых производителя фармацевтических препаратов, сосредоточили свои усилия на биологии, вакцинах и терапии стволовыми клетками и тесно интегрируют исследования, тестирование и производство этих фармацевтических продуктов (Donofrio, Whitefoot, 2015).

Таблица 2.

Средние интенсивные высокотехнологичные отрасли отдельных регионов, стран или экономик в 2018 г., %

Средне- и высоко интенсивные отрасли	Мировой объем производства (млрд долл.)	США	ЕС	Китай	Япония	Некоторые другие страны Азии	Остальной мир
Химические вещества, за исключением фармацевтических препаратов	1026,5	21,1	17,0	29,1	5,6	10,7	16,6
Электрооборудование	655,7	9,4	17,6	46,2	10,2	8,4	8,2
ИТ-услуги	1621,8	36,9	26,6	10,1	7,5	8,2	10,6
Машины и оборудование	1195,2	15,0	24,2	33,3	13,5	6,5	7,6
Автомобили	1,109,7	15,2	24,4	27,2	13,0	10,0	10,2
Железнодорожный и другой транспорт	119,9	15,0	15,3	37,0	4,2	14,3	14,2
Вооружение	50,1	18,2	21,0	10,1	1,4	9,9	39,5

Источник: National Science Board, 2020.

Многие МНК продолжают осуществлять свою деятельность с более высокой добавленной стоимостью в развитых странах из-за большей доступности квалифицированных рабочих и более эффективной охраны интеллектуальной собственности. Например, для компаний с технологиями искусственного интеллекта более предпочтительным рынком остаются США (табл. 3).

Таблица 3.

Компании, разрабатывающие или использующие ИИ и сделки, финансируемые венчурным капиталом в Китае и США в 2014–2018 гг., единиц

Компании или сделки	2014	2015	2016	2017	2018
Китай	53	123	184	259	284
США	575	726	1,010	1,387	1,544
Акции					
Китай	68	148	210	306	335
США	683	826	1,238	1,753	1,955

Источник: National Science Board, 2020.

Однако, как видно из анализа представленных данных, развитие соответствующей деятельности в Китае растет более быстрыми темпами. Кроме того, как видно из табл. 3, технологии искусственного интеллекта активно внедряются и в других странах и регионах мира. В целом вопрос о том, где размещать высокотехнологичное производство, весьма обострился в 2020 г. Сбои, вызванные пандемией *COVID-19*, выявили уязвимости в сетях поставок многих технологических компаний. Некоторые из них испытывали трудности с удовлетворением возросшего спроса из-за неспособности обеспечить безопасность критически важных компонентов, в то время как другие из всех сил пытались сохранить свои сети.

Кроме того, следует отметить, что технологии, связанные с искусственным интеллектом, получили широкое применение в различных сферах и отраслях промышленности и сферы услуг (рис. 1), в разных странах (в той или иной степени, табл. 4).

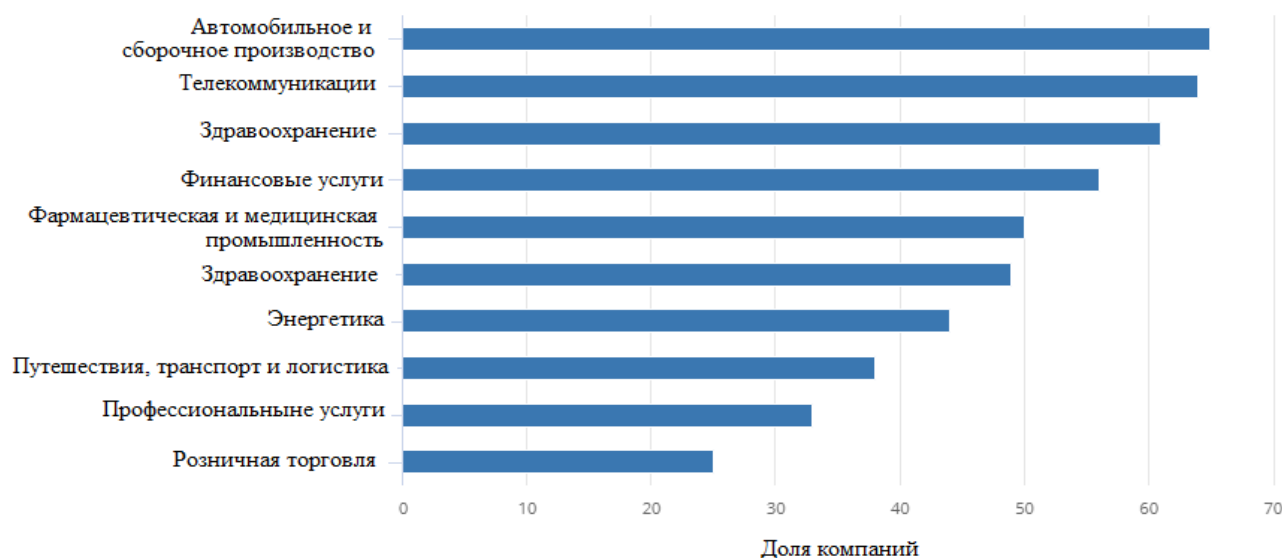

Рис. 1. Внедрение возможностей ИИ в разбивке по отраслям, 2018 г., %.

Источник: Artificial Intelligence Index Report, 2020.

Таблица 4.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в разбивке по странам, регионам, экономикам, 2018 г., %

ТЕХНОЛОГИЯ	Северная Америка	Латинская Америка	Европа	Азиатско-Тихоокеанский регион	Индия	Ближний Восток / Северная Африка	Развивающиеся рынки
Разговорные интерфейсы	20,0	29,0	22,0	23,0	22,0	24,0	26,0
Роботизированная автоматизация технологических процессов	23,0	19,0	27,0	22,0	30,0	21,0	23,0
Компьютерное зрение	23,0	13,0	21,0	15,0	25,0	16,0	19,0
Машинное обучение	20,0	12,0	20,0	12,0	24,0	8,0	23,0
Поколение NL	16,0	9,0	17,0	17,0	16,0	21,0	17,0
Физическая робототехника	17,0	11,0	16,0	10,0	19,0	5,0	20,0
NL понимание текста	16,0	7,0	12,0	7,0	15,0	3,0	15,0
NL понимание речи	11,0	7,0	10,0	5,0	16,0	5,0	14,0
Автономные транспортные средства	5,0	2,0	7,0	5,0	9,0	8,0	12,0

AI = искусственный интеллект; NL = естественный язык.

Источник: Artificial Intelligence Index Report, 2020.

Также следует отметить высокий — и растущий в соответствии с требованиями современной науки и техники — уровень квалификации работников, занятых в высокотехнологичных отраслях, прежде всего в развитых странах (табл. 4). Но, поскольку эти страны зачастую активно привлекают рабочую силу из других государств, например, Индии, Китая и т. д., то уровень квалификации имеет тенденцию к росту во всем мире.

Интересно отметить, что регион Ближнего Востока выглядит достаточно презентабельно по сравнению с другими регионами мира по некоторым высокотехнологичным направлениям; примером являются разговорные интерфейсы. Однако уровень их качества остается еще достаточно низким (см. табл. 5), как и квалификация рабочей силы.

Таблица 5.

Занятость квалифицированной технической рабочей силы в высокотехнологичных отраслях промышленности США: 2018 г., тыс. сотрудников и %

Промышленность	Всего сотрудников, тыс. чел.	Квалифицированная техническая рабочая сила (КТПС)	Доля КТПС, %
Высокие индустрии R&D, наиболее высокотехнологичные	3044,7	486,4	16,0
Воздушные суда и продукция для космической промышленности	717,6	162,7	22,7
Компьютерная, электронная и оптическая продукция	1097,2	193,6	17,6
Фармацевтические препараты	506,5	70,5	13,9
Научно-исследовательские услуги	582,2	46,5	8,0
Программное обеспечение	141,3	13,2	9,3

Примечание:

Квалифицированные технические работники заняты в профессиях, которые используют значительный уровень научно-технического опыта и технических знаний и чей образовательный уровень не меньше, чем степень бакалавра. Данные о занятости относятся к лицам в возрасте 25 лет и старше и не включают лиц, занятых на военной службе. Высокоинтенсивные отрасли НИОКР классифицируются Организацией экономического сотрудничества и развития.

Источник: American Community Survey, 2018.

В Китае, Индии, целом ряде развивающихся стран АТР, Латинской Америки, Африки отмечен рост количества квалифицированной рабочей силы, чему способствует, например, студенческая мобильность, возможность получать образование и повышать квалификацию в различных странах мира, независимо от страны происхождения.

Соответственно, растет и доля занятых квалифицированными сотрудниками в высокотехнологичных отраслях в различных странах. Так, занятость квалифицированной рабочей силы в высокотехнологичных отраслях среднего уровня в США представлена в табл. 6.

Таблица 6.

Занятость квалифицированной рабочей силы в высокотехнологичных отраслях среднего уровня в США, 2018 г., тыс. человек и %

Промышленность	Всего сотрудников, тыс. чел.	Квалифицированная техническая рабочая сила (КТРС)	Доля КТРС, %
Средне-высоко интенсивные отрасли НИОКР	5832,5	1084,6	18,6
Химические вещества за исключением фармацевтических препаратов	769,0	212,8	27,7
Электрооборудование	401,1	79,1	19,7
ИТ-услуги	2659,5	355,6	13,4
Машины и оборудование	622,9	149,1	23,9
Автомобили	1277,6	265,8	20,8
Железнодорожные и другие перевозки	62,4	11,9	19,1
Оружие	40,0	10,3	25,8

Примечание:

Квалифицированные технические работники заняты в профессиях, которые используют значительный уровень научно-технического опыта и технических знаний и чей образовательный уровень не меньше, чем степень бакалавра. Данные о занятости относятся к лицам в возрасте 25 лет и старше и не включают лиц, занятых на военной службе. Высокоинтенсивные отрасли НИОКР классифицируются Организацией экономического сотрудничества и развития.

Источник: American Community Survey, 2018.

Вся эта экономическая, производственная и научно-техническая активность высокотехнологичных отраслей приводит к росту мировой торговли в целом и, в частности, — мировой торговли высокотехнологичной продукцией. Мировой экспорт высокотехнологичных товаров — самолетов, компьютерной, электронной и оптической продукции, фармацевтических препаратов — в 2018 г. составил 2,8 трлн долл., и имеет тенденцию к ежегодному росту (рис. 2), весьма дифференцированному по странам. Например, в Азии не только Китай, но и Вьетнам активно наращивает свой экспорт высокотехнологичной продукции. У США он стабилен на протяжении ряда лет, а у Японии несколько сокращается.

Снижение экспорта высокотехнологичных отраслей у стран Ближнего Востока связано с падением цен на мировом рынке нефти и, соответственно, некоторой девальвацией валюты соответствующих стран. Вообще на данный рынок — как по показателям спроса, так и предложения, — активно влияет геополитическая и геоэкономическая ситуация, волатильность которой заметно увеличилась в XXI в.

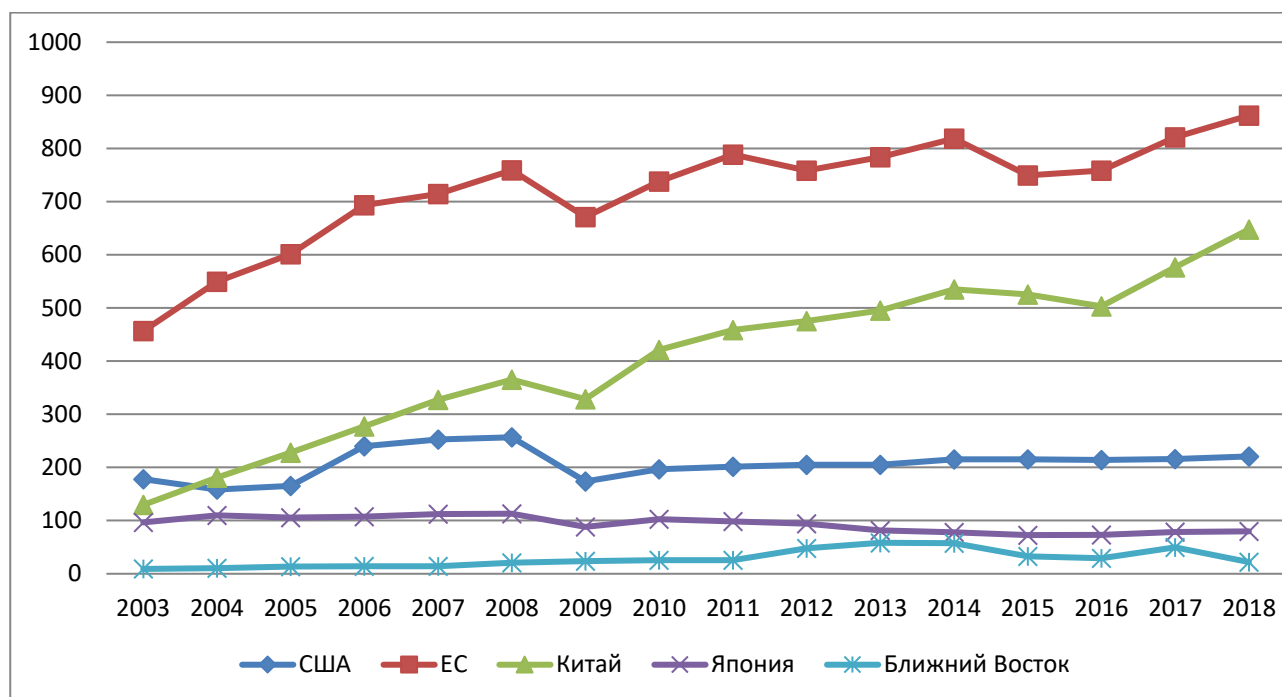

Рис. 2. Мировой экспорт высокотехнологичных товаров в 2003–2018 гг., млрд. долларов США в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным UNCTAD.

В сфере мирового импорта продукции высокотехнологичных отраслей (рис. 3) в целом имеет место рост показателей. На 2-е место как импортер вышел Китай, превзойдя США.

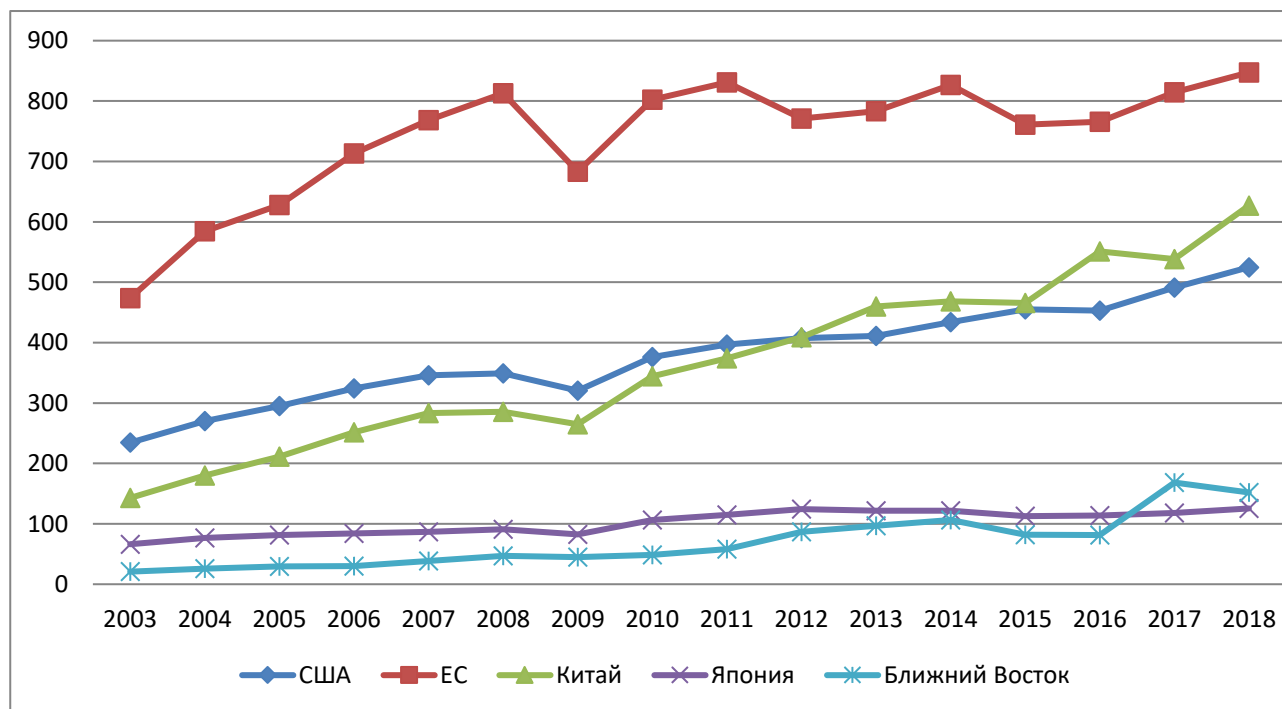

Рис. 3. Мировой импорт высокотехнологичных товаров в 2003–2018 гг., млрд. долларов США в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным UNCTAD.

Также растет спрос на высокотехнологичную продукцию на Ближнем Востоке, в том числе в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а не только у Израиля и Ирана. Однако сохраняется дифференциация стран мира в сфере международной торговли высокотехнологичной продукцией, как и несбалансированность этой торговли. Например, США сегодня — нетто-импортер продукции высокотехнологичных отраслей.

На основе анализа представленных статистических материалов, а также аналитических исследований, свидетельствующих *о роли высокотехнологичных отраслей в мировой экономике*, мы можем выделить несколько их функций:

1. Выступают катализатором технического, а также социально-экономического развития. Высокотехнологичные отрасли стимулируют дальнейшее развитие технического прогресса, новых технологических укладов, этапов «промышленных революций» на основе появления новых технологий, видов высокотехнологичных отраслей промышленности и услуг.

2. Стимулируют генерирование новых знаний, рост уровня образования (и форм его получения — дистанционное), новых профессий, навыков, умений. Высокотехнологичные отрасли требуют высококвалифицированных кадров, способных развивать свои профессиональные качества и навыки на постоянной основе, в том числе — за счет самообразования. Со своей стороны, высокотехнологичные отрасли сами зачастую занимаются повышением квалификации своих сотрудников, в том числе — на собственной образовательной и научно-технической базе, стимулируют их активность в данном направлении.

Технологические компании все чаще используют возможности удаленной работы и позволяют другим компаниям делать то же самое. Во имя повышения эффективности все больше и больше компаний также используют технологии искусственного интеллекта и RPA, как для оптимизации задач, так и для расширения возможностей. Для работников это означает, что они, вероятно, будут нуждаться в большей поддержке и возможностях для развития.

3. Стимулируют ПИИ. Высокотехнологичные отрасли, как правило, бывают и одними из наиболее высокзатратных в смысле капитальных вложений (инвестиций), что стимулирует и процесс ПИИ в целом, т. е. глобальное движение капитала. Кроме того, высокотехнологичные отрасли стимулируют поиск новых форм ПИИ и способов их привлечения, например, через механизм особых зон, технопарков, зон новых и высоких технологий и т. д., а также предоставляя налоговые и иные льготы иностранным инвесторам и предприятиям с их участием. Эти льготы обеспечивают снижение затрат высокотехнологичных производств, что активизирует их деятельность, обеспечивая кумулятивный эффект.

4. Стимулируют процессы интернационализации и глобализации в мировой экономике. Благодаря деятельности предприятий высокотехнологичных отраслей страны мира укрепляют свои взаимосвязи и сотрудничество в промышленности и сфере услуг, в сфере транспорта и логистики, в НИОКР и образовании, а, следовательно, — международные научно-технические связи и кооперирование.

5. Высокотехнологичные отрасли стимулируют формирование международных цепочек создания стоимости, втягивая в эти процессы все новые группы стран, их предприятий. Таким образом, происходит распространение технического прогресса,

появляются новые предприятия в новых странах, втягивая их в мирохозяйственные и производственные процессы, содействуя росту их экономики и социальному прогрессу.

6. Высокотехнологичные отрасли стимулируют рост международной торговли — как в целом, так и в сегменте высокотехнологичных товаров и услуг, в частности. Экспорт и импорт высокотехнологичной продукции в мире неуклонно растет, хотя и находится под влиянием глобальных экономических и политических процессов. Влияние это весьма заметно.

7. Стимулируют процессы институционализации НИОКР на страновом и международном уровнях.

8. Имеет место тесная связь высокотехнологичных отраслей промышленности с инновационной активностью, формирование и укрепление мирового рынка инноваций.

Можно выделить следующие **тенденции развития высокотехнологичных отраслей** в современных условиях:

1. Рост значимости в мировой экономике и национальных хозяйственных системах, что проявляется в росте их доли в национальном и мировом валовом продукте, привлечении большего количества высокопрофессиональных кадров, а также мировой торговле высокотехнологичной продукцией на основе количественного и качественного роста высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг.

2. Формирование и развитие цепочек создания стоимости в высокотехнологичной промышленности — от НИОКР до перевозок и логистики. Соответственно, возможно и формирование различных «уровней», позиций, ранжирования в рамках этих цепочек — более «высоких» или «низких». Стоит отметить формирование новых инициатив в формировании этих цепочек. Сегодня одной из таких инициатив, по нашему мнению, является китайский проект «Один пояс, один путь».

3. Дифференциация стран мира по уровню развития высокотехнологичных отраслей, производств, услуг, по их месту и роли в глобальной цепочке создания стоимости высокотехнологичных отраслей, по экспорту и по импорту остается весьма значительной, а темпы роста производства и экспорта продукции данных отраслей существенно различаются от страны к стране.

4. Активизация развития высокотехнологичных отраслей под влиянием растущей цифровизации, получившей распространение в той или иной форме и степени практически во всех странах мира (Шкваря, Родин, 2020). В частности, высокотехнологичные отрасли смогут в полной мере использовать преимущества массива приложений, способствовать глубокой интеграции цифровых технологий в производство, стимулировать появление новых отраслей, новых моделей, новой продукции и тем самым побуждать развитие этих отраслей на национальном и глобальном уровнях.

5. Растущее значение в развитии высокотехнологичных отраслей в мировой, региональной и страновой экономике сохраняет процесс трансфера технологий.

Список литературы

1. Белова Л. Г. (2018) Инновации в мировой экономике. М.: МГУ, 2018. 148 с. [Belova L. G. (2018) Innovations in the world economy. Moscow: MSU. 148 p. (In Russian).]
2. Главина С. Г., Асмятуллин Р. Р. (2018) Программы развития цифровой экономики стран ССАГПЗ как фактор повышения региональной конкурентоспособности // Научное

обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 92–102. [Glavina S. G., Asmyatullin R. R. (2018) Programs for the development of the digital economy of the GCC countries as a factor of increasing regional competitiveness // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 6. P. 92–102. (In Russian).]

3. Меланьина М. В. (2019) Цифровизация мировой экономики: этапы, темпы, перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 11. № 2. С. 141–147. [Melanyina M. V. (2019) Digitalization of the world economy: stages, rates, prospects // Economics and Management: problems, solutions. Vol. 11. No. 2. P. 141–147. (In Russian).]

4. Русакович В. И. (2017) Развитие автомобильной отрасли в странах ССАГПЗ / В сборнике: Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта. Москва. С. 158–163. [Rusakovich V. I. (2017) Development of the automotive industry in the GCC countries / In the collection: National and international financial and economic problems of road transport. Moscow. P. 158–163. (In Russian).]

5. Шкваря Л. В., Родин С. И. (2020) Высокотехнологичные отрасли промышленности в условиях цифровизации: тенденции и проблемы // Экономика и предпринимательство. № 11 (124). С. 1209–1211. [Shkvarya L. V., Rodin S. I. (2020) High-tech industries in the context of digitalization: trends and problems // Economics and entrepreneurship. No. 11 (124). P. 1209–1211. (In Russian).]

6. American Community Survey (ACS) (2018) URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/acs>

7. Artificial Intelligence Index Report (2021) URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/>

8. Digital economy report (2019) Value creation and capture: implication for developing countries. <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019>.

9. Donofrio N., Whitefoot K. (ed.) (2015) Making Value for America: Embracing the Future of Manufacturing, Technology, and Work. Washington, DC: National Academy of Engineering. The National Academies Press.

10. Elmasry T., Benni E., Patel J., Moore J. P. (2016) Digital Middle East: Transforming the region into a leading digital economy, McKinsey & Company, October.

11. Huang Y. (2015) Chinese pharma: A global health game changer? Expert Brief. New York: Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/chinese-pharma-global-health-game-changer>

12. National Science Board, National Science Foundation. 2020. Research and Development: U.S. Trends and International Comparisons // Science and Engineering Indicators 2020. NSB-2020-3. Alexandria, VA. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20203/>.

13. PricewaterhouseCoopers (PwC) (2014) China's impact on the semiconductor industry: 2014 update. A decade of unprecedented growth. <http://www.pwc.com/gx/en/industries/technology/chinas-impact-on-semiconductor-industry/2014-full-report.html>.

14. Waheed R., Sarwar S., Mighri Z. (2020) Role of high technology exports for energy efficiency: Empirical evidence in the context of Gulf Cooperation Council countries // Energy & Environment. September. DOI: 10.1177/0958305X20954196

15. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

High-tech industries in the global economy: current trends

Khasbulatov Ruslan Imranovich,

*Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russia.*

Byasharova Adilya Rashidovna

PhD of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

The article presents the features of high-tech development of macro-regions and countries of the world at the present stage. The relevance of the research topic is determined by the need in the XXI century. for countries and regions of the world to implement high-tech development, diversify the national economy and exports, as well as their specialization in the system of international division of labor, since one of the features remains the uneven high-tech development in the world in regional and sectoral aspects, and, according to the authors, this situation will continue, at least in the medium term. The authors also show the role of high-tech industries in the world economy system.

Keywords: world economy, high-tech production, technologies, imbalance of high-tech development, scientific and technical capabilities, export of high-tech goods.

JEL codes: F02, O32.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

К юбилею профессора, доктора географических наук Ирины Александровны Родионовой — человека, который стремится сделать мир лучше

В 2021 г. отмечает свой юбилей известный ученый, один из ведущих специалистов в области географии промышленности не только на постсоветском пространстве, но и в мире — Ирина Александровна Родионова.

Родионова И. А. — профессор международного уровня, известный ученый, доктор географических наук. В ее послужном списке более 400 публикаций (монографии, учебники,

учебные пособия, научные статьи и учебно-методические работы), в том числе в научных журналах Польши, Болгарии, Сербии, Румынии, Венесуэлы, Турции, Беларуси, Казахстана, Украины, Молдавии и др.

Жизнь Ирины Александровны наполнена событиями, встречами с интересными людьми, неожиданными поворотами. Родионова Ирина Александровна — это человек, который многого добился сам, благодаря своей целеустремленности, оптимизму, безграничной любви к жизни, окружающим ее людям и тому делу, которым она занимается.

Закончив в 1974 г. с красным дипломом Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии — МИИГАиК (ныне университет) Ирина Александровна несколько лет отдала трудоемкому труду дешифровки аэрофотоснимков и космических снимков, и составлению карт в качестве старшего инженера кафедры аэрофотосъемки Альма-матер. С 1982 г. почти на 25 лет ее жизнь тесно и неразрывно связана с ведущим университетом страны — Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова. Работая в качестве старшего лаборанта, затем научного и, впоследствии, ведущего научного сотрудника кафедры экономической и политической географии капиталистических стран географического факультета (с 1991 г. кафедра социально-экономической географии зарубежных стран), Ирина Александровна не только активно включилась в работу по составлению карт, но и, расширив сферу своих научных интересов, начала активно участвовать в реализации многочисленных научно-исследовательских проектов, работать над кандидатской диссертацией.

Ирина Александровна участвовала в создании одной из самых значимых работ в экономической и социальной географии — учебника «Социально-экономическая география зарубежного мира» под редакцией Виктора Вацлавовича Вольского. Ее рукой написан раздел учебника «Среда обитания: ресурсы и проблемы», созданы и отредактированы карты учебника.

Продолжением ее активной научно-исследовательской работы стала защита в 1992 г. на Географическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатской диссертации по специальности «Экономическая и социальная география». Тема диссертации — «Картографическая интерпретация проблемы социально-экономической отсталости развивающихся стран в комплексных атласах (методика и практика)».

В сложные 1990-е гг., в условиях, когда государство не было в состоянии в должной мере поддерживать науку и образование, Ирина Александровна, несмотря на все сложности и перипетии, сохранила преданность своему делу. В 1994 г. она открывает новую страницу своей биографии — начинает научно-исследовательскую и педагогическую деятельность на экономическом факультете Российского университета дружбы народов (РУДН). Более 10 лет Ирина Александровна работала параллельно в двух ВУЗах. На протяжении этого периода ведется активная работа по сбору, переработке и публикации актуальной информации о состоянии мирового хозяйства, географии промышленности. Результатом такого колоссального труда стало издание серии учебных пособий по экономической и социальной географии, в том числе — для поступающих в вузы. На долгие годы эти издания будут уникальным источником актуальной информации об отечественных и зарубежных теориях размещения производства, географии городов, пространственных особенностях развития отраслевых рынков мировой экономики, современной политической географии. Пособия Ирины Александровны пользовались огромной популярностью среди абитуриентов высших учебных заведений различных профилей и направлений.

Длительная и кропотливая работа над обобщением обширного теоретического, статистического и картографического материала привела к созданию серьезного научного труда. В 2003 г. на Географическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова Ирина Александровна блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности «25.00.24 — Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». Тема диссертации — «Структурные сдвиги в промышленности мира во второй половине XX века: макрогеографический анализ». Именно эта тема становится главной в ее дальнейшей научно-исследовательской работе. Ирину Александровну многие знают именно как специалиста по географии промышленности. В РУДН (помимо многих других) ею были созданы соответствующие курсы — «Индустриальный сектор мировой экономики», «Глобальные тренды развития мировой промышленности». В 2005 г. И. А. Родионовой присваивается ученое звание профессора по кафедре региональной экономики и географии РУДН.

Ирина Александровна — человек, который стремится быть лучше и сделать мир лучше. Человек, который тратит свою энергию, силы ради других. Делится с людьми тем, что умеет великолепно делать.

Есть стихи Владимира Высоцкого:

«Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!

Может, кто-то когда-то поставит свечу

Мне за голый мой нерв, на котором кричу,

И веселый манер, на котором шучу...»

Во многом эти стихи относятся и к Ирине Александровне. Преподавательская профессия предполагает «сеять разумное, доброе, вечное». Эти слова можно считать девизом самой Ирины Александровны. Она не только сама живет интересной, насыщенной жизнью, но и «заражает» своей энергией всех окружающих. Ее бескорыстная помощь и поддержка стимулирует ее окружение к проявлению активной жизненной позиции во всем.

Ирина Александровна стала проводником в жизнь, в науку большого количества людей. Под руководством Ирины Александровны множество аспирантов экономического факультета РУДН успешно защитили свои диссертации. За период, когда она была ответственной на факультете по научно-исследовательской работе со студентами, результаты многих работ научных ребят под ее научным руководством получили признание на университетском и всероссийском уровне и были отмечены медалями и дипломами Министерства образования РФ. За эту работу со студентами в 2005 г. она получила отраслевую награду Министерства образования и науки Российской Федерации. С 2005 по 2019 гг. она была руководителем работы Межкафедрального постоянно действующего методологического семинара «Глобалистика и геоэкономическая стратегия» на экономическом факультете.

Ирина Александровна умеет зажечь идеями и своим энтузиазмом всех вокруг, организовать коллег для совместного решения поставленных задач. Под ее редактированием регулярно выходят сборники трудов ученых, учебники и коллективные монографии.

Ее учебник для академического бакалавриата «Экономическая и социальная география мира» в 2-х частях (издательство Юрайт, Москва) с 2012 г. выдержал несколько изданий, был рекомендован Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающимся по всем направлениям. И

по прошествии 10 лет он востребован, особенно в условиях развития дистанционного образования — ведь у него существует электронная версия.

За таким результатом стоит титанический ежедневный труд человека, который зачастую несет ответственность не только за себя, но и за близких ей по духу людей. Все, за что она берется, она доводит до конца. Такая высокая «производительность», наверное, связана с тем, что Ирина Александровна умеет хорошо организовать рабочий процесс. Ей присуща черта — все делать вовремя и даже чуть заранее. Может быть, поэтому ей приходится выполнять работу, неподъемную для других людей.

Имя Ирины Александровны широко известно не только в России, но и за рубежом. Она и сейчас остается членом редколлегии иностранных и российских научных журналов: «Вестник КазНУ. Серия географическая» (Алматы, Казахстан); «Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология» (Минск, Беларусь); Электронный научный журнал «Россия и Азия» (Москва, РФ); «География в школе» (Москва, РФ).

И даже в непростых современных условиях дистанционного формата работы Ирина Александровна — успешна и востребована. Она продолжает общаться с широким кругом ученых, преподавателей, студентов, не только в Москве, но и по всей России, и за рубежом. С 2010 г. профессор Родионова И.А. по программе «Привлечение зарубежных специалистов» неоднократно читала лекции для студентов бакалавриата, магистрантов и докторантов в Казахском национальном университете им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), в Западно-Казахстанском государственном университете им. М. Утемисова (Уральск, Казахстан), в Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь) и др.

В 2005 г. от Министерства образования и науки Российской Федерации она получила нагрудный знак «За научные достижения в образовании России» («За развитие научно-исследовательской работы студентов»), а в 2012 г. ей было присуждено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» за заслуги в области образования. В 2014 г. по приказу Ректора РУДН она была награждена почетным знаком «За достижения в области науки и инноваций». Многочисленных Почетных грамот от Ректората РУДН и дипломов Министерства образования Российской Федерации не счесть.

Нам, Крейденко Т. В. и Шуваловой О. В., повезло работать с Ириной Александровной и как аспиранткам (она выступала официальным оппонентом на защите наших кандидатских диссертаций, выполненных под руководством Сергея Николаевича Раковского и Олега Владимировича Витковского), так и в качестве уже ее молодых коллег в РУДН. И вот уже около 20 лет Ирина Александровна продолжает помогать и поддерживать нас в работе.

Ирина Александровна — счастливая мама и бабушка. Ее дети с отличием окончили РУДН (дочь — юридический, сын — экономический факультет), и подарили ей четверых прекрасных внуков.

А кто же не помнит веселые музыкальные номера самодеятельности кафедры региональной экономики и географии на ежегодных праздниках экономического факультета РУДН, инициатором и активным исполнителем которых была профессор И.А. Родионова, или наивкуснейшие пироги в ее исполнении. Талантливый человек талантлив во всем — это то, что очень точно описывает жизненный путь Ирины Александровны.

Даже трудно поверить, что эта молодая, веселая, симпатичная и жизнерадостная женщина в августе 2021 г. собирается перешагнуть 70-летний рубеж. Пожелаем же этой сильной и чрезвычайно работоспособной женщине новых творческих успехов, здоровья и счастья!

Без помощи Ирины Александровны огромное количество людей не смогли бы достичь тех вершин, которых достигли. И мы, ученики и коллеги, выражаем огромную признательность и благодарность Ирине Александровне за эту помощь.